

Иванов Алексей Николаевич

КОРА и КОРНИ

От автора

Честно мыслящий русский интелlectual, изучающий прошлое своей страны, должен поставить перед собой ряд историософских вопросов, отвечать на которые официальная историческая наука не желает. Вот эти вопросы: Почему наименование абсолютного существа, сотворившего этот мир (Бог), мы взяли у степных арийцев северного Причерноморья? Почему у одних индоевропейских народов дэивы – положительные божества, а у других, как у славян, отрицательные, и как это деление соотносится с Откровением Зороастра? Почему несколько божеств в пантеоне Владимира скифо-сарматского, индоарийского происхождения? Почему два важнейших города Евразийского мира имеют одно и то же название: Аркаим и Аркона? Как соотносятся в таком случае между собой Ахурамазда и Святovit? Не одно и то же ли это Божество? Какую духовную основу содержали в себе названия мест, рек, народов, племен с корневой основой на рухс, рохс, росс в Приднeпровье, Причерноморье, Приазовье? Можно ли эти многочисленные «имена света» связать с религией зороастризма? Не является ли идея Руси – «страны света для кочевых народов» (О.Н. Трубачев) – политическим оформлением этой религии? Можно ли применить записанные Геродотом предания о небесных дарах и о трех кастах скифов к возникновению Руси? Можно ли рассматривать царских скифов, их военную традицию в качестве источника возникновения «касты руссов»? Как соотносятся между собой росомоны Иордана и народ ерос Псевдо-Захарии? Почему «баварский географ» - большой знаток славянского мира - размещает руссов не на севере, как у норманистов, а далеко на юге, между хазарами и славянами и как это соотносится с таинственным Русским каганатом, о котором писали византийцы и арабы? Почему пришедшие на Балканы армии Святослава Лев Диакон, хорошо знающий истоки народов Причерноморья, называет тавроскифами?

Ответить на все эти вопросы – значит освободиться от коры околонуучной лжи, цивилизационных штампов, политических идеологий, геополитических мифологем. Ответить на все эти вопросы – значит определить онтологические истоки Евразийской цивилизации, Русского мира, защищающего на протяжении веков «Мировой остров» от хищных, коварных, безжалостных «народов моря». Ответить на все эти вопросы – значит понять, какова миссия России во всемирной истории, понять, какова русская идея, понять, что задумал Бог от России, почему Он дорожит ею, почему не дает ей исчезнуть во тьме времен.

Но кто способен ответить на эти вопросы? Ученый, историк, философ? Вряд ли! Ведь если бы могли, давно бы ответили. Тогда кто же? Сам язык! Вернее, его живая сущность, его душа, его сердце – поэзия. Не поэт, не человек, с его пристрастиями, предпочтениями, интересами, страхами, сомнениями, а именно поэзия, питающаяся сокровенными ключами, священными источниками Божественного Слова! Вслушаемся в ее сказания! Проникнемся ее смыслами! Вдумаемся в ее истины-былины!

Кора и корни

* * *

Мне в памяти скитаться и блуждать
До самого конца времен мятежных.
Я должен помнить, мучиться, страдать
И каждую травинку гладить нежно.
Я должен каждый штрих и эпизод
Для вечности хранить в своем сознание.
Через меня природа узнает
О кружевах своих на расстояние.
Я зеркало ее, я нужен ей:
Без моих дум она себя не знает
И в роковом отрыве от корней
Связь с бесконечной истиной теряет.

* * *

Ты должен сам придумать смысл вещам.
Так имена дарил в раю Адам.
Соедини свой ум с воображеньем,
Стань перед Богом – богом на мгновенье.

* * *

Ты однажды призналась мне,
Что горела уже в огне,
В адском пламени звездных мук,
В точку солнца сжимая круг.
А потом состоялся взрыв
И во тьму страшный, жуткий срыв.
Триллионы пылинок в лад
Развернули во тьме парад.
Я подумал, что это бред,
Но потом твой больной сюжет
Встретил в книге о судьбах звезд
И за ад предложил свой тост.

* * *

Камни, что срываются с небес,
В звездной глубине теряя вес,
Знают тайну нашей горькой были
И от знания этого застыли.
Если их душою отогреть,
Если в них проникнуть, посмотреть,

То поймешь в безмолвии сердечном,
Что мгновенье жизни бесконечно.

* * *

Я пью холодное вино
И разговариваю с тенью.
Нам с собеседником дано
Понять смысл мира на мгновенье,
Увидеть в глубине времен
Единство целого и цели,
Которым тайно ослеплен
Младенец в теплой колыбели.

* * *

Если время – рассыпанный миг,
Если мир провалился в родник,
Я о сути вещей не узнаю
И на встречу к себе опоздаю.

* * *

Нет между мертвым и живым
Ни мостика, ни перехода,
Чтобы ослепшая природа
Могла воспользоваться им.
Ты в этой бездне не найдешь
Ни образа, ни основанья,
Чтобы осмыслить мирозданье,
Найти в нем истину и ложь.
Но объясните, как тогда
Жизнь свои формы оживляет?
И почему нас согревает
Околоплодная вода?

* * *

Шагнуть туда, откуда нет возврата,
Не требуя с божественных небес
Ни наказания, ни суда, ни платы,
Смирив свою страсть, свой интерес,
Смирив свою мысль, свою надежду,
Осознавая, что событий ход
С начала бытия вершится между
Бездонностью и чередой невзгод.

* * *

Ты где-то там, за миллионом лет.
Смогу ли своим сердцем достучаться
До твоих дум, твоих невзгод и бед
Сквозь стены потускневших декораций?
Смогу ли объяснить тебе себя,
Как я блуждаю в лабиринте ночи,
Как, о страданиях ближнего скорбя,
Теряю смысл в пространстве многоточий?
Но сомневаюсь. Времени провал
Не даст нам подобрать ключи друг к другу.
Мы сгинем в отражениях зеркал,
Мы растворимся, странствуя по кругу.

* * *

Распался ноль на цепь причин и следствий,
На череду событий и времен,
На ряд сражений, столкновений, бедствий,
На истину и ложь, на явь и сон.

* * *

Боль не растворяется во времени
Через трудный путь живого семени.
Муки предков переходят к нам,
Чтобы в каждом сердце жил Адам.
Так вершится таинство истории.
Парадоксы, тупики, апории
Искушают пылкие сердца
Близостью начала и конца.

* * *

Слова не объяснить словами.
Здесь нужен взгляд со стороны,
Из немоты, из тишины,
Из бездны, что висит за нами.
Здесь требуется тонкость чувства,
Соединившего в одно
Бездонность сущего и дно,
Спасительные сны искусства.

* * *

Ты сияешь в лучах зари.
Я ловлю твой взгляд.
С небом сад заключил пари.
Кружит листопад.
Серебрится бриллиант росы

На лице твоём.
Бросишь истину на весы -
Превратишь в фантом.
Стала теплой твоя ладонь.
Воздух свеж и чист.
Ветку клена тихонько тронь –
Оторвется лист.
Говорю себе, что смогу
Жизнь прожить, любя,
Что ни другу и ни врагу
Не отдам тебя.

* * *

Я говорю, или во мне другой
Через меня пытается сказать
О том, что в этом мире быть собой
Нельзя, если себя не потерять?

* * *

Слов не надо, когда ты маешься
И по миру нищим скитаешься,
Когда, день на осколки дробя,
Тени мертвых терзают тебя.
Слов не надо, когда ты чувствуешь,
Что в мгновении каждом присутствуешь,
Ощущаешь в себе самом
Бесконечность как отчий дом.

* * *

Мысль только кажется моей.
В действительности я не властен
Над выбором ее путей
И к ее ходу не причастен.
Но все же есть внутри меня
Одна далекая обитель.
Там свет духовного огня,
Там я участник, а не зритель.

* * *

«Быть может, все обман?», - ты шепчешь мне.
«Быть может, мы находимся во сне
Ужасного, безумного сознания,
Творящего из бреда мирозданье?»
Я взял твою ладонь, поцеловал.
Пространство из развернутых зеркал

Без промедленья повторило это,
И твой вопрос остался без ответа.

* * *

Своим сознанием я не управляю.
Оно во мне ведет свою игру,
Под ощущение хитро подставляя
Провал бездонный, черную дыру.
Не странно ли, что до сих пор живу я?
Не странно ли, что до сих пор дышу?
По ниточке над пропастью вслепую
К Творцу небес с молитвою спешу.

* * *

Я сострадаю мертвецам.
Они здесь жили и мечтали,
Любили, верили, страдали
Из истин возводили храм.
Они срывались в глубину,
Надеялись и заблуждались,
Молились, плакали, скитались,
Искали смысл, вели войну.
Теперь могильные холмы
С осиротевшими крестами
Беседуют о вечном с нами
Через молчанье звездной тьмы.

* * *

Быть человеком очень просто:
Пройди пути, этапы, версты,
Себя сожги и возгорись,
С узором звезд соединишь,
Почувствуй сердцем боль Вселенной,
Стань бесконечным и нетленным,
Из чаши снов испей печаль,
Составь из камешков скрижаль.
Быть человеком очень просто:
Здесь не от веса, не от роста
Зависит истина и ложь,
Но от того, как ты живешь.

* * *

Ты смотришь в дождь и видишь в нем
Один забытый в детстве сон,
Когда доверчивый ребенок

Смотрел на образы с иконок.
Ему казалось: этот мир
Наполнил сказочный эфир,
Что сложное – совсем не сложно,
Что невозможное – возможно.
Ему казалось: нет границ,
Что каждый может крылья птиц
Надеть на маленькую спину
И в пропасть броситься с вершины.
Но мальчик быстро повзрослел.
Безумный свист каленых стрел
К потерям приучил сознание,
Изрезав льдом существование.

* * *

Граница между прошлым и грядущим,
Между несуществующим и сущим
Прошла сквозь плоть и кровь оживших тел
И ранит нас железом острых стрел.
Нам никуда не спрятаться, не скрыться.
Взирают из зеркал личины-лица
Обманутых бессмертием зверей,
Что ищут смысл при свете фонарей.

* * *

Идущий мимо человек –
Не просто мученик сомнений,
Найти стремящийся ночлег
В пространстве грез и привидений,
Не просто мыслящий тростник,
Мечтающий с водою слиться,
Мираж, родившийся на миг,
Меняющий от скуки лица.
Но воин, странник и поэт,
Во сне беседующий с Богом,
Соединивший тьму и свет,
Пролог Вселенной с эпилогом.

* * *

Быть может, меня уже нет.
Я – темный, пустой силуэт,
Оставленный тем, кто здесь жил,
Надеялся, верил, любил.
В вещах и сюжетах искал
Смысл жизни, начало начал,

Молился, мечтал, заблуждался,
Юродствовал, плакал, смеялся.

* * *

Ты для меня как загадка загадок,
Книга с листами цветными закладок.
Я не устану странички листать,
Верить, томиться, надеяться, ждать.
Я не устану ласкать тебя нежно
В россыпи мартовской, в россыпи снежной.
Я не устану в метель, в снегопад
Страстно ловить твой застенчивый взгляд.

* * *

Творить из ничего лишь означает
Ничто поднять до уровня творенья,
Любви, надежды, веры, вдохновенья,
Что каждый миг живит, обожествляет.
Господь, уже в Себе имея все,
Решил облечь в миры и в бытие
Иллюзию, мираж, ничто, условность,
Бессмыслицу, бездонность, безосновность.

* * *

Он оставил несколько строк
И сумел сохранить исток
Нашей памяти, нашей боли,
Нашей брэнной земной юдоли.
Я читаю их каждый день
И от смысла теряю тень,
Становлюсь бестелесным, нищим
Над бездомностью пепелища.

* * *

Слова уже существовали
До появления нас на свет
И этот мир сформировали,
И наш в нем путь, и наш в нем след.
Когда ты произносишь слово,
То знай, что в нем сквозь луч зари
Из бездны возникают снова
Герои, воины, цари.

* * *

Я себя узнаю в других,

Для других я пишу свой стих.
Мне не выжить в борьбе с собой
Без тебя – мой родной чужой.
Так задумал благой Творец:
Смысл открыт лишь для двух сердец,
Где Он Третьим незримо есть
Через истину, через весть.

* * *

Россия – это путь в непостижимое,
В святое, бесконечное, незримое.
Но чтобы до конца его пройти,
Ты должен смыслы мира превзойти.

* * *

Смогу ли я хоть что-то взять с собой,
Когда сорвусь в раскрывшуюся бездну
И полечу во тьму стрелой железной,
Источенный, истертый этой тьмой?
Смогу ли я хоть что-то сохранить
Из памяти, из радости и муки:
Любовь, надежду, беспричинность скуки,
Желанье умереть, желанье жить?
Нет! Не смогу! Твое лицо, мой друг,
Когда в гробу лежал ты без движенья,
Дало мне знать, что миг освобожденья
Превыше дум, вращающих свой круг.

* * *

Нас породил случайный эпизод.
Но что если случайность не случайна?
За цепью судеб, за тщетою невзгод
Скрывается непознанная тайна.

* * *

Твой взгляд из глубины души
Не совпадет с тем, что реально
Здесь существует изначально
В бездонной мировой тиши.
Необходимо осознать
В себе присутствие Вселенной,
Смысл ее боли сокровенный
И бесконечное принять.

* * *

Чтобы доступно стало время,
Нам дан Всевышним взгляд извне.
Смысл – брошенное в землю семя,
Что прорастает в глубине.
К нему приходят со смиреньем,
С молитвой умной, с умилением,
Со страхом Божьего Суда
Путем духовного труда.

* * *

Мудрец хотел бы отыскать
То, в чем он станет равным Богу,
Чтобы свой страх, свою тревогу
В нем растворить и потерять.
Но идол, созданный из сна,
Не в силах исцелить сознание
От бесконечности желанья,
От сладости его вина.

* * *

Ты хочешь избежать противоречий
И спрятаться в узоре мудрой речи,
Однако мудростью не усмирить
Саму возможность быть или не быть.

* * *

Не смею к тебе прикоснуться
Ни в мысли, ни в грезах, ни в снах.
Боюсь с твоей тенью столкнуться
И нежу в душе этот страх.
Я мучусь и радуюсь муке.
Я гибну и гибель свою
В смертельной тоске и разлуке
Всем сердцем, всей болью люблю.

* * *

Вселенная хранится в человеке –
Как тьма во тьме, как звездные парсеки.
Ты должен их заполнить смыслом слов
И поиском незыблемых основ.

* * *

Непостижимый Аркаим!
Ты мне вчера приснился снова.
Перед величием твоим

Я трепещу, как лист кленовый.
Вот вал, вот мощная стена,
Вот черный дым от жаркой печи,
Вот глиняные письма,
Вот музыка арийской речи.
Блеск бронзы, гонки колесниц,
Достоинство в словах и жестах,
Уверенность и гордость лиц,
Стихи Ригведы и Авесты.
Святые риши чтут закон,
Вот Зороастр с восходом слился...
Я этим сном испепелен
И вновь из пепла возродился.

* * *

Цель прячется от нас за горизонтом.
Не закрывайся черно-белым зонтом
От ее зова, от ее тоски,
Когда бездонность рвется на куски.

* * *

Ты как будто была всегда
В моей мысли, в моем сознании.
Облачая судьбу в года,
Я сжигаю себя в желании.
Ты грустишь в тишине ночной
И не знаешь, что делать с вечностью.
Я расплавлен твоей мечтой,
Твоим взглядом, твоей сердечностью.
Нам с тобой предстоит пройти
Через версты опустошения
И открыть для себя в пути
Тайну вечного всепрощения.

* * *

До сих пор Спаситель на кресте!
До сих пор в безликой пустоте
Молится Отцу за нас за всех,
Чтобы Он простил нам смертный грех.

* * *

В конечном счете сам язык
Дает возможность нашей боли
Пролиться на страницы книг,
Образовать сюжеты, роли.

В конечном счете сам язык
Дает возможность нам всмотреться
В святой божественный родник
И в нем от холода согреться.
Он во Вселенной был до нас
И ждал, когда сквозь бег столетий
Из вечной тьмы придут на час
В богов играющие дети.

* * *

Россия – не страна и не идея,
Но то, что в бесконечности своей
Дает понять мне в этом мире, где я,
И прикоснуться к таинству корней.

* * *

Со вчерашнего дня ты чужая,
Словно не было наших встреч.
Я себя от тоски теряю,
Мне в слова тоску не облечь.
Две судьбы разошлись, не сойдутся.
Две заблудших души – враги.
От дождинок прозрачных в блюдец
Водяные бегут круги.

* * *

«Освобождение от освобождения –
Последняя привязанность твоя».
Принц Гаутама замер на мгновенье
И вновь вернулся к тайне бытия.

* * *

Быть верным древнему истоку!
Тебе, священный Аркаим!
История сродни потоку,
В котором смысл неуловим.
Но и в потоке есть пороги,
Развилки судеб и дорог,
Где наши предки – наши боги -
Вступают с нами в диалог.

* * *

Россия – и для Бога тайна.
Он не спешит ее решить,
Чтобы всеведение смирить...

Неотвратимое случайно.

* * *

За горизонт вещей не заглянуть,
Но можно через яркий зайчик света
Определить исток, увидеть суть
И в целое соединить предметы.
За горизонт миров не заглянуть,
Однако если прикоснуться к слову,
Божественный огонь рассеет муть
И дух увидит тонкую основу.

* * *

Цепь жизней за моей спиной.
Меня терзает страх смертельный:
Что прячется во тьме ночной?
Что мир скрывает в беспредельном?

* * *

Царские скифы по Геродоту
В жизни ценили войну и охоту,
Были искусными в меткой стрельбе,
Славили солнце, молились судьбе.
Были подвластны им степи и воды,
Сердце их знало стихии природы,
Разум их чувствовал душу зверей
И в час печали беседовал с ней.
В наших легендах, сказаньях, былинах
Мудрость их мысли, их боль и глубины.
Станем ли верными прошлому мы
Или исчезнем в бездонности тьмы?

* * *

Я смотрю на себя с опаской:
Кто он - тот, что стучится в дверь?
За холодной смертельной маской
Потерявший саванну зверь.
Зверь, которому дали напиться
Родниковой водой небес.
И теперь он меняет лица:
Ангел, странник, изгнанник, бес.
И теперь он взыскует тщетно
Бледный отблеск бывшего сна.
С безответностью безответно
Его мысль соединена.

* * *

Ни тебе и ни мне – никому
Заглянуть не удастся во тьму,
Из которой приходят к нам грезы,
Как листья с почерневшей березы.
Ни тебе и ни мне никогда
Не собрать в ожерелье года.
Они падают в ночь, как дождевики,
По дрожащей лесной паутинке.

* * *

Прошрое мое всегда со мной.
Я раздавлен мертвой тишиной
Падающих с неба в ночь комет,
Прячущихся в миге верст и лет.
Я раздавлен мертвой тишиной.
Этот разговор с самим собой
Не прервать мне, не остановить.
В пламени свечи сгорает нить.
Этот разговор с самим собой
Кажется навязчивой игрой,
Где в меня играет моя тень,
Повторяя мой вчерашний день.

* * *

В твоей жизни участвуют все,
Так устроил Господь бытие.
Вся природа, весь мир, все творенье
Слепо верят в твое восхождение.
Постарайся быть верным Ему,
Рассеки, словно молния, тьму!
Поднимись по тропе на вершину
И окинь оком духа долину.

* * *

Восхищаюсь тобой и молюсь.
Твоя чистая, светлая грусть,
Словно перышко хрупкое снега,
Дарит мне упоенье и негу.
Ты невинна в своей красоте.
На замерзшем осеннем листе
Карта судеб, маршруты скитаний,
Неожиданных встреч, расставаний.
Может быть, мое чувство – обман

На пути из тумана в туман.
Но в душе я по-детски уверен,
Что до смерти ему буду верен.

* * *

Я выбираю или нет,
Не я, но черный силуэт,
Стоящий за моей спиною,
Меня сразивший тишиною?
Вопрос не праздный и прямой.
В самом себе самым собой
Мой дух с рожденья озадачен
И вечностью над бездной схвачен.

* * *

Россия пред Богом как капля росы.
Он смотрит в нее и не может поверить:
Откуда в церквах столько дивной красоты,
Которую смыслами слов не измерить?
Откуда в лесах столько чудных зверей?
Откуда в садах столько птичьих тропинок?
О милости просит в молитве своей
Взирающий в небо с надеждою инок.

* * *

Истина в корнях заветных слов.
Суффиксы, приставки, окончанья
Искажают музыку миров,
Затемняют глубину сознания.

* * *

Что если космос не такой,
Каким мы – люди – его знаем
И стрелы мысли запускаем,
Опустошенные тоской?
Что если он не вне, а в нас,
Устав от наших разговоров,
В ночи из золотых узоров
Свой развернул иконостас?

* * *

Только с памятью я – человек.
Только с болью бывшего мой век
Смыслом, истиной, сутью наполнен
И пред Богом исчерпан, исполнен.

* * *

Почему у зверей нет печали?
Почему их не гложет тоска?
Потому, что бездонные дали
Они видят, как зыбь из песка.
В универсуме их все конечно,
Все находится здесь и теперь.
То, что в нас и для нас бесконечно,
Им дано, как закрытая дверь.

* * *

Боюсь оскорбить тебя взглядом,
В котором вся нежность моя,
Подобно листочку над садом,
Срывается в ночь бытия,
Подобно осенней дождинке,
Вбирает в себя свет Луны,
Подобно небесной тропинке,
Не знает греха и вины.

* * *

Во сне моем ты сказочно красива,
Загадочна, божественно грустна,
Надменна, недоступна, горделива...
И я пытаюсь вырваться из сна.
Я не могу объять твоё молчанье,
Мне больно от твоих холодных стрел.
Сжимается меж нами расстояние
До хрупкого единства смертных тел.

* * *

Неизвестность живет, существует
В бессловесной беседе с тобой,
От тоски твоё сердце врачует
И шуршит под ногами листвою.

* * *

Аркона – колыбель моей печали.
Твой смысл не замолчать, не утаить.
Он превратился в тоненькую нить,
Что связывает нас с веками дали.
Твои жрецы по-прежнему со мной,
Я слышу их святыё заклинанья
И мучаюсь над тайной мирозданья,

И упиваюсь звездной тишиной.
Аркона! Я последний твой поэт.
Через меня твои благие руны
Вновь обретают музыку и струны,
И бездну тьмы дотла сжигает Свет.

* * *

У мысли нет начала и конца.
Ее смешит попытка мудреца
Себе бессмертье истины присвоить
И этим свою гордость успокоить.
Нет, мысль сама прокладывает путь
И не дает нам, смертным, отдохнуть.
Мы для нее всего лишь эпизоды,
Изгои неба, пленники свободы.

* * *

Ты, конечно, не знаешь об этом:
Я люблюсь твоим силуэтом,
Я молюсь на твою красоту,
Когда падаю в ночь, в пустоту.
Ты, конечно, не знаешь об этом:
Моя жизнь твоей жизнью согрета,
Моя смерть только тень темноты,
Если рядом присутствуешь ты.
Если рядом со мной твоя нежность,
Я спокойно смотрю в неизбежность.
Мне не страшно уйти в никуда
Через странствия, версты, года.

* * *

Тайна жизни пугает нас тем,
Что срывает замки с теорем
Нашей душевной, убогой темницы
И выходит всегда за границы.
Мы не в силах ее разгадать,
Нам дано лишь в себе осознать
Нашу немощь пред чудом творенья,
Пред застывшим узором мгновенья.

* * *

Каким он был – миг познания,
Когда человекозверь
Увидел вдруг мироздание
И в нем череду потерь?

Не жалось ли сердце в муке?
Сквозь плоть не прошла ли дрожь
От острых когтей разлуки,
От истин, влюбленных ложь?
Но Вечное, то, что рядом,
Что с нами во все века,
Явило свой лик во взгляде
На крылышках мотылька.

* * *

Недоказуемое есть.
Попробуем его прочесть
По иероглифам коры,
Скрывающей от нас миры.

* * *

Если до нас кто-то жил на Земле
И по тропинкам скитался во мгле,
То мы должны сквозь лоскутья проталин
Здесь обнаружить остатки развалин.
Прячет свои трилитоны Бальбек.
Ищущий истину сверхчеловек
Их от тоски друг на друга поставил
И нам посланье гордыни оставил.

* * *

Чтобы соблюсти условия все
Для существования человека,
Созданное Богом бытие
Превратилось в нищего калеку.

* * *

Я как будто тебе не нужен,
Я как будто тебе не мил.
Сад осенний листом разбужен,
Что собой мою боль укрыл.
Ты как будто не замечаешь
Моей нежности, моих слез
И безжалостно убиваешь
Равнодушьем листву берез.

* * *

Вечность не оторвана от времени
От стрелы, от странника, от стремени.
Каждый миг себя находит в ней

В блеске спиц и в топоте коней.

* * *

Куда ушли минувшие года
До появления нашего в природе?
Кто наслаждался красотой тогда?
Кто размышлял о смерти, о свободе?
Кто верил и надеялся, страдал?
Кто по дорогам времени скитался,
Искал во тьме начало всех начал
И в истине последней сомневался?
Что если тех, во мгле пропавших лет
Не хватит нам пред гибельным провалом?
Что если наших суетных побед
Для оправдания жизни будет мало?

* * *

Проникнуть мыслью сквозь века
К началу, что водой струится,
И из святого родника
Глотками полными напиться.

* * *

От царских скифов до Арконы
Цепь судеб, вереница бед,
Сожженные короны, троны,
Боль поражений, блеск побед.
От росомонов до Бравлина
Борьба за смысл, борьба за суть.
Молчат курганы-исполины,
Сквозь боль потерь проложен путь.
Пред мудрым взором Святовита
Никто не спрячется во мгле.
Ничто не скрыто, не забыто
На нашей плачущей земле.

* * *

«Я» – не просто слово или звук:
Здесь скитаний разомкнулся круг,
Здесь через печаль и боль разлук
Лечится бессмертия недуг.
«Я» – не просто слово или звук,
Но возможность подавить испуг,
Осознание неизбежных мук,
Сердце, превратившееся в стук.

* * *

- Представляешь, в точке начала,
Когда не было в небе звезд,
Я о нас в своем сердце знала
И за жизнь поднимала тост?
- Это только обман сознания,
Оно грезит всегда о том,
Что все контуры мироздания
Только бледный его фантом.

* * *

И у Вселенной есть морщины
На коже звездной паутины.
В них тень отбрасывает свет
И исчезают версты лет.
В них можно встретиться с минувшим,
В них, даже будучи уснувшим,
Живешь в единстве с полнотой,
В гармонии с самим собой.

* * *

Великий полководец Чингисхан
Не просто проводил завоеванья.
Соединяя судьбы разных стран,
Он выполнял заветы мирозданья.
От имени небес он возвещал
На все века, что истинно, что ложно,
Что нас ведет к началу всех начал,
А что наоборот – в себе ничтожно.
России это бремя, этот труд
Был дан в удел Веленьем Сокровенным,
Чтобы она творила Божий Суд
В истории над временным и тленным.

* * *

Меня легко размазать по стеклу,
Я в каждом шаге падаю во мглу,
Я в каждой мысли сам себя теряю,
На миг рождаюсь, в миге умираю.
Меня легко сразить и растоптать,
Казнить, избить, разбить, свернуть, сломать,
Но кто-то жизнь мою оберегает
И тайну мира сердцу открывает.

* * *

Я, как ребенок, радуюсь тому,
Что ты проходишь мимо в тонком платье.
Не объяснить, зачем и почему
Мне снятся поцелуи и объятья.
Не объяснить, что тянет мою плоть
К идущей за тобой по следу тени.
Не снять, не излечить, не измолоть
Мне моих грез, терзаний и сомнений.
Вот холодно, небрежно, второпях
Твой взгляд задел мое существованье.
Я превратился в боль свою и страх,
В свою тоску, в свой бред, в свое молчанье.

* * *

Как верит в жизнь летящая пчела!
Я не могу сравниться в этом с нею,
И потому даны мне зеркала,
И потому скитаюсь и старею.
Я не могу отдаться бытию,
Как отдается жизни все живое,
И потому себя в себе таю,
И потому веду войну с собою.

* * *

Человек слишком сложен для мира,
Чтобы вдруг из природы слепой
Появился праправнук сатира,
Обреченный бороться с судьбой.
Что-то чуждое ритму природы
Поселилось в ее глубине.
И теперь через бездну свободы
Бесконечность вызывает ко мне.

* * *

И у Бога есть своя тень:
Это наша земная скука,
Что копирует каждый день
И стреляет в любовь из лука.
Оказаться в ее плену –
Значит впасть в безысходность стужи.
Снег ворует с небес Луну
И над черным провалом кружит.

* * *

Два хищника грозят нам ныне:
Один – из океанских вод;
Другой – из глубины пустыни,
Огнем расплавив небосвод.
Два хищника – Восток и Запад –
У черной бездны на краю
В своих стальных кровавых лапах
Терзают Родину мою.

* * *

Кто мы без муки наших предков?
Слепые, прячущие страх,
Эпох случайные отметки
На отшлифованных камнях.
Немые призраки чужбины,
Изгои пролетевших лет,
Свои подставившие спины
Под плеть непоправимых бед.

* * *

В тебе прекрасно то, как ты скользишь
По воздуху над мокрым тротуаром,
Как ты неподражаемо молчишь
И не спешишь расстаться с этим даром.
В тебе чудесно то, как ты грустишь
Без лжи, без суеты, без сожаленья,
Как в маленькое зеркальце глядишь,
Как в нем свое встречаешь отраженье.
В тебе прекрасно все, и я молю,
Чтобы Господь дал силы мне смириться
Пред сном моим, в котором я люблю,
Пью с твоих рук и не могу напиться.

* * *

Из вещества всего лишь часть Вселенной,
Как горсть песка в ладони сокровенной.
Все остальное – музыка небес...
Тропа уводит мысль в дремучий лес.

* * *

Если будущее сейчас
Существует в далекой дали,
Оно может влиять на нас
И дарить нам свои скрижали.
Если прошлое до сих пор

Соприсутствует рядом с нами,
Оно может в наш разговор
Незаметно войти стихами.
Все эпохи и времена
Существуют одновременно.
В миге прячется глубина
Всей бездонности, всей Вселенной.

* * *

Между мертвым и живым тропинки нет.
Я пытаюсь на вопрос найти ответ:
Почему нас до сих пор не погубил
С неба льющийся поток стихий и сил?
Почему вдруг из сырого вещества,
Из бездушного, слепого естества
Появились черви, змеи, пауки,
Звери, птицы, рыбы, мошки, мотыльки?
Через время, через память, через бред
Я пытаюсь на вопрос найти ответ:
Как случилось, что мы все-таки живем
И на зыбком основанье строим дом?

* * *

Как правду отделить от лжи,
Когда взираешь в глубь времен,
Когда размыты миражи
Событий, фактов, дат, имен?
Здесь надо вслушаться в язык,
В бездонный смысл его корней,
И истины священный лик
Проступит сквозь мытарство дней.

* * *

Подумай: уже первое мгновенье
В себе имело весь причинный ряд.
Неведение живых сродни забвенью.
В саду, в дожде – тот же самый сад.
На ветке муравей собой являет
Бессмертную идею муравья
И спящему сознанию открывает
Всю бесконечность смыслов бытия.

* * *

Бог Сварог был придуман в Аркаиме:
Там, где в земных печах варилась медь,

Там, где мы получили свое имя,
Чтобы оно не забывалось впредь.
Потом Он превратился в Святовита.
И вот в Арконе, на святом холме,
Несли жрецы к подножью мед и жито,
Чтоб смыслы слов не потерять во тьме.
Два города и два великих Бога,
А между ними – табуны коней,
Сияющая в небесах дорога
И странники, бредущие по ней.

* * *

Все истины уже во мне,
Я существую, как во сне.
Мне жизнь дана, чтобы проснуться
И в бесконечность развернуться.

* * *

Что если каменная глыба
Ударится о шар земной?
Погибнут звери, птицы, рыбы
Под раскалённой золой.
В огне ужасном все живое
Сгорит навеки, навсегда.
Прольется дождевой водою
Кипящая, как смерть, вода.
И над безжизненной пустыней
Задует мертвый суховей,
И паутину черных линий
Не скроет безысходность дней...
Не странно ли, что эти грезы
Не воплощаются пока?
Висят божественно стрекозы
Над чистой гладью родника.

* * *

Твоя жизнь – это пламя свечи.
Я в холодной, безлюдной ночи
Вдруг увидел его и очнулся
И в тепло твоих рук окунулся.
Твоя жизнь – это шанс для меня
Прикоснуться к горенью огня,
Что из самого сердца Вселенной
Светит истинно, самозабвенно.

* * *

Сколоты Геродота – праславяне.
Таинственные странники степей
Отважные в кровавой, лютой брани,
Сыны своих отцов и матерей.
Хранящие свои родные гнезда
От духов зла, от черни, от врагов,
Как соколы, взлетающие к звездам,
И чтущие святых, благих богов.
От вас остались спящие курганы
В напоминанье гибнущим во мгле,
Чтоб жили мы без лжи и без обмана
Во имя правды неба на земле.

* * *

Мы продолжаем жить и после смерти
В делах потомков, в эстафете снов,
В словах, в их бесконечной круговерти,
В святом бреде поверженных основ.
Мы продолжаем спорить и сражаться
За истину, за пять родной земли,
Мы продолжаем странствовать, скитаться
И строить для скитаний корабли.

* * *

Наука не способна протянуть
Логическую цепь причин и следствий
Через уже свершенный жизнью путь,
Через боль ее непоправимых бедствий.
Скачки природы ей не объяснить:
От камня к клетке, от инстинкта к духу.
Кто постоянно усложняет нить
Сквозь катастрофы, срывы, смерть, разруху?
Наука слепа перед бытием.
Зачем из ничего возникло что-то,
Не вычислить посредством плоских схем,
Как вычисляют прибыль с оборота.

* * *

Нас лишили памяти когда-то.
И теперь мы – тени от теней,
Мытари, взимающие плату
С падающих в ночь безликих дней.
С нами все, что хочешь, можно сделать,
Все, что хочешь, можно нам внушить.

Кукловоды мудрые умело
Норовят нас ложью иссушить.
Как же жить на свете нашим детям?
Надо им поверить и понять:
Все мы за минувшее в ответе;
У мгновенья вечность не отнять.

* * *

И обезьяна может говорить,
И правильно в таблицу ставить числа.
Но кто ее научит мыслью жить?
И кто откроет ей бездонность смысла?
Кто объяснит ей суть добра и зла,
Как был задуман мир в его истоке?
Кто даст ей силы сжечь себя дотла
И превратить самосожжение в строки?

* * *

Арабская Артания – Аркона,
Священный город ругов и славян,
Проявленная в памяти икона
Сквозь прошлого обманчивый туман.
Там деревянный идол Святовита,
Что видит все четыре стороны,
Которому таинственно открыта
Божественная правда глубины.
Аркона! Тыохранишь свои сказанья
О наших судьбах в колесе времен,
О том, как каждый миг существования
Был нами к смыслу мира вознесен.

* * *

Образ Божий не мысль, не сознание,
Не идея, не дух, не душа,
А способность объять мирозданье
И на звезды глядеть не дыша.
Образ Божий вонзается в тело
Через муку, страданье и боль.
Потому голова поседела,
Стала горькой соленая соль.

* * *

Уже в субатомной частице,
Что развернулась в ткань времен,
Существовали наши лица,

Вся цепь событий, дат, имен.
Уже у основания мира
Я был тобою восхищен
И с обреченностью сатира
Облечь в стихи мечтал свой стон.
Теперь, когда мы повстречались,
Я вспомнил светлый образ твой.
В ладонях вечности остались
Круги с замерзшею росой.

* * *

В моем аквариуме рыбки.
Я не могу поверить в то,
Что мысль возникла по ошибке,
Когда играла жизнь в лото.
Кладу на гладь стекла свой палец.
Рыбешки в танце говорят
О том, что человек — скиталец,
Забывший дом их младший брат.

* * *

Откалываясь от отцов,
В ночь уходящие народы
Несли сквозь муки и невзгоды
Святые гимны мудрецов.
Но лишь единственный народ
С прародиною не расстался
И по родной степи скитался,
Молясь на вечный небосвод.
Он сохраняет в языке
Сокровище корней святое,
Таинственное, неземное,
Как россыпь капель на листке.

* * *

Непостижимое в простом:
Калитка, сад, колодец, дом.
В моей любви к родному краю,
Где я тоскую и страдаю.
Непостижимое во мне,
Я вижу этот мир во сне.
Задача в том, чтобы проснуться
И к тайне сущего вернуться.

* * *

Ты каждый раз проходишь мимо,
Не замечая моей муки.
Я падаю неотвратно
В тень ускользающей разлуки.
Перед твоим существованием
Я превращаюсь в горстку пепла
С одним единственным желаньем,
Чтобы душа моя ослепла.

* * *

Прародина не далеко, а близко:
Вот Аркаим, вот тени его стен;
В кустах полыни камни обелиска
И солнца луч, берущий степи в плен;
Вот сжавшие пространство колесницы,
Собравшие пути в один клубок;
Вот даль времен пронзившие зарницы,
Из забытья вернувшие исток.

* * *

Когда люблюсь красотой твоей,
То думаю в своей душе о том,
Что, может быть, любовь – игра страстей,
Улыбкой плоти созданный фантом.
Но сам себе потом спешу сказать,
Что плоть слепа, что в вечной слепоте
Ей чудо совершенства не понять,
Чтоб умереть за это на кресте.

* * *

Страх смерти мое сердце не тревожит.
Я не боюсь шагнуть в бездонность тьмы.
Меня другое мучает и гложет:
Кто дал мне самого себя взаймы?
Кто мне позволил осознать сквозь время
Себя, свое бессмертие, свой путь,
Чтобы я нес невзгод и скорбей бремя
И не пытался в миге утонуть?

* * *

В моем сознание только ты:
Твои слова, твое дыхание,
Твоя печаль, твое желанье,
Твой страх пред бездной пустоты.
Я рассыпаюсь без тебя

На жесты, маски, эпизоды,
На миги, месяцы и годы,
Надеясь, мучаясь, скорбя.
Ты для меня как свет во мгле,
Я на него ползу с рожденья,
Сгибаясь от изнеможенья
На мокрой от дождя земле.

* * *

Всего лишь бледный мотылек,
Но чтобы в танце он кружился,
Мир от скитаний изнемог,
Сгорел и снова возродился.
Все создано для нас с тобой.
Откройся и увидишь в свитке
И звезд божественный покой,
И капельку росы на нитке.

* * *

Если бы не было меня,
Никто бы не узнал об этом.
Мое отсутствие храня,
Провал закрыли бы предметы.
Если бы не было меня,
То только б клены на мгновенье
В забеге призрачного дня
Качнулись от предошущенья.
Если бы не было меня,
Твоя душа бы не терзалась
И на смертельный жар огня
С высот божественных не мчалась.

* * *

Что если боль потерь передается
Сквозь время от одной судьбы к другой?
Вся бесконечность прошлого вернется,
Когда начнешь ты разговор с собой.
Вся бесконечность прошлого предъявит
Тебе свой счет за цепь минувших бед
И миг блаженства сладкого отравит,
И на вопросы промолчит в ответ.

* * *

И даже падая во тьму,
Я буду помнить твое имя,

Искать мелодии к нему,
Скрывая лик потухший в гриме.
Там, в преисподней, все не так,
Там все расплавлено и сжато.
В моей душе смертельный мрак,
И только ты в лучах заката.

* * *

Нет тебя совершенной на свете.
Я пытаюсь поймать в свои сети
В иллюзорном пространстве мечты
Яркий отблеск твоей красоты.
Я молюсь, обруч неба тревожа:
Дай мне счастье такое, о Боже,
Созерцать в этой жизни тебя,
Сомневаясь, надеясь, любя!

* * *

Как только человек узнал о смерти,
Он стал таким, как ты, таким как я.
Миг вечности распался в круговерти
Осатаневших масок бытия.
Хотелось бы ему назад вернуться,
В счастливое бессмертье естества,
Уснуть в ночи и заново проснуться
В зверином облачении Божества.

* * *

Созерцатель, что живет во мне,
Глубже, чем я сам в своем сознание.
Между нами вечность, сон во сне,
Между нами смерть и расставание.
Между нами бесконечность лет,
Дрожь галактик, муки звездной дали,
Сквозь бездонность странствующий свет,
Смыслы слов, разбитые скрижали.
Я кричу ему с холодных плит
Вознесенной в ночь высокой крыши,
Он же просто смотрит и молчит,
Сделав вид, что ничего не слышит.

* * *

Если судьбы прокрутить назад,
Если сном измерить звездопад,
То сквозь круговерть огня и дыма

Мы вернемся к стенам Аркаима.
Если все слова свернуть в клубок,
Если в мыслях отыскать исток,
То сквозь поражения и победы
Мы вернемся к истинам Ригведы.

* * *

Все вопросы давно решены.
Поскорее забудь свои сны.
Вечность просится в гости к мгновенью,
Расставанье равно возвращенью.
Все печали уже позади,
Сердце с болью стучится в груди.
Обличая во лжи свою честность,
Сделай шаг в никуда, в неизвестность.

* * *

Я падаю с небес в твои ладони,
Я в них, как в чудном, сказочном бутоне.
С тобою рядом мне не нужно знать,
Зачем все бытие должно страдать,
Зачем из ничего возникло что-то,
Зачем паденье, если нет полета...
Я отказался от игры теней
И наслаждаюсь красотой твоей.

* * *

Мой двойник все сделал бы иначе
В наших обескровленных сердцах.
Бесконечность маски смерти прячет,
Чтобы мы могли скрывать свой страх,
Чтобы мы могли скрывать свой трепет
Перед неизбежностью конца.
Мой двойник все превратил бы в лепет
Впавшего в юродство мудреца.

* * *

Родиться в Духе – это значит
Смиренно с Господом страдать;
Когда душа твоя заплачет,
Не дать ей веру потерять;
Когда надежда почернеет,
Не дать ей все умереть;
Когда любовь оледенеет,
Молитвой сердце согреть;

Когда уныние иссушит,
То не согнуться, не упасть;
Когда отчаянье задушит,
Не раствориться, не пропасть.
Родиться в духе - значит снова
Блаженство жизни испытать,
В лучах Божественного Слова
Себя найти и всем раздать.

* * *

В сущности, мое существование –
Жалкая подставка для сознания,
Что мечтает сны веков продлить
И безбожный круг обожествить.
Но душе нужна иная вечность:
Чтобы звезд пленительная млечность
Не срывалась в омут, в полынью,
А хранила истину свою.

* * *

Суд над нами уже идет:
День за днем и за годом год,
Через муки эпох и лет,
Через горе невзгод и бед,
Через версты земных дорог,
Через пытки, этап, острог,
Через папки фальшивых дел,
Через ночь, приговор, расстрел.
И не скрыться нам, не спастись,
Не подняться из бездны в высь.
Лишь одно нас во тьме хранит:
Вера в то, что Господь простит.

* * *

Уходя во тьму, не оглянусь.
Больно видеть мне печаль и грусть,
Больно понимать, что все, что было,
Только сон забытый повторило.
Уходя во тьму, не оглянусь,
Только помолюсь, перекрещусь.
Господи! Помилуй мою душу!
Огонек моей свечи потушен.

* * *

Сознание – разновидность бреда.

Его скитанья и победы
Не проникают в глубину
И не снимают с нас вину
За то, что с небом мы в разрыве,
За то, что наша жизнь на срыве,
За то, что зло врачуем злом,
От смысла спрятавшись в разлом.

* * *

Все истины и все сюжеты
Уже проиграны давно.
Ты смотришь на полоску света
И пьешь холодное вино.
В твоём сознании усталость,
Стремление удержать тепло.
Нет больше веры, только жалость
К тому, что было и прошло.

* * *

Саванна сохранилась в наших снах,
И правила ее все так же в силе.
Отсюда трепет, беспричинный страх,
Отсюда маски небыли и были.
Отсюда необузданная страсть,
Опустошенность, злость, всеядность, стадность,
Отсюда подчинение и власть,
Безликость, бездуховность, беспощадность.

* * *

За чередой веков и дат,
Днепр разделив железной цепью,
Не дремлет Русский каганат,
Владеющий великой степью.
Наследник скифской старины
И пасынок сарматской доли -
Ты сохранил нам наши сны
И передал нам наши роли.
Ты обессмертил наш язык
Богов святыми письменами
И вечности прозрачный миг
Украсил щедро именами.
Тебя хотели бы забыть,
Но сказки, сказы и былины
Не прекращают говорить
О нас из звездной паутины.

* * *

Я не нужен тебе, я знаю.
Я в себя с этим миром играю.
Для чего и зачем? Не пойму.
Тихо падают листья во тьму.
Ты идешь по тропинке мимо,
Твоя искренность неумолима.
Сад застыл в ожиданье чудес,
Капли падают тихо с небес.
Наши тени за нас решили
Расписать небыль красками были,
Первым снегом сковать лепестки,
Подарить нам мгновенье тоски.

* * *

Что случилось с тобой? Ты не та.
В твоём взгляде пустом пустота.
Ты как будто из снега и льда.
Наше прошлое смысла вода.
Что случилось с тобой? Не пойму.
Две души окунулись во тьму.
В этой тьме мы друг другу враги.
Наша жизнь – дождевые круги.

* * *

Бессонница мне не дает забыться
И в пелене тумана раствориться.
Я с призраками прошлого борюсь
И с мудростью веков не расстаюсь.
Бессонница – не просто состояние,
Но истинная суть существования,
Ведь тот, кто вечно спит, не знает бед,
И, значит, в этом мире его нет.

* * *

Рисунок древний на скале
Для нас с тобой как свет во мгле,
Как отблеск первого заката.
С него все началось когда-то.
Наш предок, мучимый тоской,
Своею грубою рукой,
Пройдя сквозь миражи пустыни,
Оставил пять случайных линий.
Мы только продолжаем их,

Теря зренье в едкой гари.
И этот мой короткий стих
Не более чем комментарий.

* * *

Живое до тех пор живет,
Пока над пропастью полет
Его влечет и забавляет,
Страшит, пугает, вдохновляет.

* * *

Россия по ту сторону эпох.
Напрасно хочет разум-скоморох
Включить ее реальность в цепь понятий
И задушить в плену своих объятий.
Напрасно мы пытаемся понять
И в разговорах праздных заболтать
Ее предназначенье и призванье,
Ее судьбу и смысл, ее страданье.

* * *

Время удлиняет наши тени
В зеркале небесных отражений.
Невозможно память укротить,
Чтобы жизнь от снов освободить.
Невозможно обуздать сознание,
Чтобы посмотреть на мирозданье
Из его истоков и корней,
Где мгновенье вечности полней.

* * *

Отцов буддизма интересовало:
Откуда карма, если нет начала?
Кто и кому здесь должен сострадать?
Ведь ничего не дать и не отнять.
Как выйти на тропинку пробуждения?
Ведь нет ни восхождения, ни падения,
Нет сновидения, спящего и сна.
С поверхностью совпала глубина.

* * *

Переживанье с пережитым
В одно единство смысла слиты.
Чтобы такое получить,
Смысл должен до слиянья быть.

* * *

Почему в этом мире возможно
Относиться к реальности ложно,
Быть не тем, кто, по сути, ты есть,
Принимать за действительность лезть?
Почему бытие раздвоилось?
Почему снится то, что приснилось?
В чем ошибка благого Творца?
Мысль бежит по бриллиантам кольца.
«Здесь сама постановка вопроса, -
Говорит нам серьезный философ, -
Намекает на скрытый ответ:
Тень лишь там, где отсутствует Свет».

* * *

Меня как будто уже нет:
Остался на стене портрет,
Остался чистый лист в конверте
И память о минувшей смерти.
Остались версты и года,
Осталась яркая звезда,
Из глубины холодной дали
Светящая мне в дни печали.
Осталась грусть, осталась боль,
Осталась сыгранная роль,
Остались сны о вечном счастье
И дрожь неутоленной страсти.

* * *

Хватаюсь за соломинку. И что же?
Ты не со мной! Ты в стороне! О, Боже!
Между Тобой и мной – провал времен,
Которым я раздавлен, ослеплен.
Между Тобой и мной – немые бездны.
Пытаться их измерить – бесполезно.
Мне остается только уповать
На милость Твою к нам и благодать.

* * *

Россия – оголенный нерв
Божественного Откровенья,
Сюжетов мировой резерв,
Нам данный для осуществления.
Сумеем ли определить

Великий замысел творенья
И в своей жизни воплотить
Божественные озаренья?

* * *

Не пойму, как такое случилось:
Ты во сне мне сегодня приснилась.
Я пытался тебе объяснить,
Что без веры в тебя мне не жить,
Что без нашей любви я истлею,
Сам свой прах над дорогой рассею,
Стану призраком черных небес,
Персонажем уродливых пьес.
Я пытался начать все сначала,
Но ты только печально молчала.
Ты не слышала стонов моих,
Когда я сочинял этот стих.

* * *

Мне твое имя неизвестно,
Но сверхъестественно, чудесно
Твоя печаль, твой дух храня,
Дошла по рифмам до меня.

* * *

Русь – каста самых грозных воев,
От Сварога ведущих род,
Содружество святых героев,
Сплоченных в чередѣ невзгод.
По мысли грека Геродота,
То было общество царей,
Что выходили на охоту
В пространстве между двух морей.
Напрасно царь великий Дарий
Пытался их поймать в степи.
Он встретил дым от едкой гари
И бреши в воинской цепи.
Он получил в подарок стрелы,
Лягушку, птицу, мышь, и вот
Степь от пожара почернела,
Пришлось остановить поход.

* * *

То, чего мы до сих пор не знаем,
Не берем в расчет, не понимаем,

С нами непрерывно говорит
Через тишину могильных плит,
Через голоса живой природы,
Через звездный ливень с небосвода,
Но во тьме своих душевных нор
Мы не слышим этот разговор.

* * *

Наши предки за Христа отдали
Все, что в своем прошлом написали,
Все, чему служили сотни лет,
Свитки поражений и побед.
Потому и нет у нас сказаний,
Теогоний, мифов, предсказаний.
Есть стяжанье Духа во Христе,
Сораспятие судеб на кресте.

* * *

В провалах пустоты – не пустота,
Там страны, города, дороги, реки,
Ползущая за солнцем тень креста
И Бог, Себя распявший в человеке.
В провалах пустоты – не пустота,
Но мы с тобой, идущие по саду,
Забвенье пожелтевшего листа
В божественном круженье листопада.

* * *

Вина отцов ложится на детей,
На выбор ими судеб и путей.
От прошлого нам никуда не деться,
Не снять с себя проклятье, не раздеться.
Не оттого ли нам пришлось страдать,
Томиться в лагерях и умирать,
Что наши деды в год великой смуты
На нас надели дьявольские путы?

* * *

Сама случайность неслучайна.
Она нужна для бытия,
Чтобы Божественная Тайна
Соединяла в смысл края,
Чтобы в Божественном Узоре
Могли совпасть, срастись, сойтись
И наша мгла, и наши зори,

И наша ширь, и наша высь.

* * *

С тобою я все время говорю,
Хотя и знаю: ты меня не слышишь.
И там, где птицы празднуют зарю,
С другим живешь, мечтаешь, любишь, дышишь.
С тобою я все время говорю,
Играя за двоих с самим собою.
И сам себе печаль твою дарю
Под золотой кружащейся листвою.
Беседы эти помогают мне
Не унывать, не падать, не ломаться
И в утренней холодной тишине
К своим заботам тихо возвращаться.

* * *

Россия вне обычных схем,
Вне слов, концептов, теорем.
Ее судьба, существование
Непостижимы для сознания,
Стремящегося в строй и в лад
Из личностей, событий, дат
Построить цельную систему
И снять научную проблему.

* * *

Ты мне нужна для грусти, для печали,
Для нежности, для ласки, для чудес.
Звезд и созвездий призрачные дали
Теряются в безмолвии небес.
Ты мне нужна для истины, для веры,
Для смерти, для прыжка во мрак, во тьму.
С тобой я ухожу в иные сферы
И возвращаюсь к дому своему.

* * *

«Обманывают музыка и струны», -
Вещал монах буддийский Нагарджуна.
«Реальности в ее основе нет!»
Но в чем тогда вопрос и в чем ответ?
Зачем тогда вести все эти споры,
Длить без конца пустые разговоры?
«Затем, чтобы другому объяснить
И от себя себя освободить!»

* * *

Бюст женщины из Аркаима.
Я всматриваюсь в этот лик:
Она во всем неповторима,
Пред ней тысячелетье – миг.
Праматерь наша, внучка Евы,
В ее глазах сияет синь.
До нас дошли ее напевы:
«Печаль-травя», «Тоска-полынь».
До нас дошла ее тревога,
Ее надежда, ее страх,
Молитва искренняя к Богу
И боль, застывшая в глазах.

* * *

Не верь, что все заранее предсказано,
Что все на свете жесткой цепью связано.
Господь не знает, что ты предпочтешь,
Какой рассказ напишешь и прочтешь.
Не верь, что все на свете повторяется,
Что каждое мгновенье возвращается.
Есть путь, ведущий нас всегда вперед
Через круги сомнений и невзгод.

* * *

Я мало чем отличен от других,
И все-таки со мной уходит в вечность
Особая тоска, особый стих,
Иная мысль, иная бесконечность.
Никто мою судьбу не повторит,
Никто мою печаль не испытает.
Господь мой дух во времени хранит
И тайну жизни от меня скрывает.

* * *

Слова – процеженная боль,
Распавшийся на смыслы ноль.
Будь в разговоре с ними нежен,
Отзывчив, искренен, прилежен.
Они тебя научат жить,
Искать себя и находить,
К небесной истине стремиться,
Любить, надеяться, молиться.

* * *

Что значит память потерять?
Себя не помнить и не знать,
Забыть отцов и матерей
В игре бессмысленных теней,
Забыть колодец, дом и сад,
Лицо любимой, ее взгляд,
Ее тоску, ее печаль,
Снежинок ледяной хрусталь,
Забыть картинки детских книг,
Былины, сказки, свой язык,
Слова молитвы, цепь имен,
Святые образы времен,
Забыть историю и путь,
То, как мы шли, теряя суть,
То, как мы шли, теряя свет,
Боль поражений, блеск побед...

Все, чем душа твоя жила,
Забвенья черная юла
В потоке призрачных забот
Рассыплет, растворит, сотрет.

* * *

Русь не сводима к перекличке слов,
К цепочке воспаленных, бледных снов.
Русь – это каста лучших скифских воев,
Повенчанных с бездонностью живою.
Русь – это род, берущий свой исток
На перекрестке судеб и дорог,
У стен святого града Аркаима,
Там, где мгновений нить неуловима.

* * *

Я в бездонность уйду от тебя,
Не горюя о том, не скорбя.
Ты со мной в моем сердце пребудешь,
Не покинешь меня, не разлюбишь.
Мне не страшно шагнуть в никуда,
Смыть с души маски, версты, года.
Образ твой, как живая основа,
Соберет из песка меня снова.

* * *

Тем, что я есть, не дорожу.

Куда важнее миражу
Понять, зачем он существует
И чем пред вечностью рискует.
Куда важнее миражу
Найти священную межу,
Соединившую два мира,
Две бесконечности сапфира.

* * *

Тебя как будто кто-то подменил,
Я стал тебе не близок и не мил.
Ты на меня взираешь равнодушно
И повторяешь тень свою послушно.
Ты не похожа на себя совсем,
Ты словно воплощение мертвых схем,
Как автомат живой со мною в паре
Осуществляешь заданный сценарий.

* * *

Ты бросаешь меня? Постой!
Посмотри на кораблик мой!
По реке ветер волны гонит:
Лист намокнет, и он утонет.
Нам былое не изменить,
На ладони двух судеб нить.
Не спеши со своим решением!
Дай прощанию стать прощением!

* * *

Зима внутри, а не снаружи:
Метель над бездорожьем кружит.
Сквозь танец вьюги и пурги
Круги, круги, круги, круги.
Зима в словах, в мечтах и грезах,
Не спрятать чувства от мороза.
Ты мне, смеясь, сказала «да»
И превратилась в отблеск льда.

* * *

Простишь ли ты меня за то, что я
Пришел к тебе из тьмы небытия,
Чтобы в осеннем парке повстречаться,
Тебя любить, тобою восхищаться?
Простишь ли необузданную страсть,
Мужскую нежность, ласки, сласть и власть,

Зверинные личины вожделенья,
Миг радости и миг освобожденья?
Нет! Не простишь! Такое не простить!
И страсть мою к тебе не исцелить.
Мне остается уповать на чудо
И тень твою в бреду искать повсюду.

* * *

Если мы всего лишь манекены,
Почему тогда мешают стены?
Почему так робко, не дыша,
Молится Всевышнему душа?
Почему пугает неизбежность?
Почему обманывает нежность?
Почему сжимается в комок
Сердце от правдивых, мудрых строк?

* * *

В поединке с собой
Будь огнем и водой,
Ветром, снегом, метелью,
Склепом и колыбелью.
В поединке с судьбой
Стань осенней листвою,
Что в мытарстве паденья
Ищет тайну мгновенья.

* * *

Страданья моего народа
Не в том, что он презрел свободу,
Душой отдался кумачу
И подчинился палачу,
Но в том, что в бедах катастрофы
Он отказался от Голгофы,
Забыл молитву за Христа
В канун великого поста.

* * *

Я тот, что в памяти моей,
В игре ее слепых теней,
Но есть еще один – далекий,
Всевидающий и одинокий.
И если мы когда-нибудь
Пройдем нас разделивший путь,
Вся ткань Вселенной содрогнется

И в капельку росы свернется.

* * *

Я не нужен тебе, я знаю,
Потому в своих снах блуждаю,
На твой образ в ночи молюсь
И с вином разбавляю грусть.
Ты не мучишься, не страдаешь,
Просто с истиной в смерть играешь...
На снежинки распалась даль,
На ресницах твоих хрусталь.

* * *

Полагаться на сон опасно,
Не томи себя им напрасно.
Бред не должен за нас решить,
Что должны мы здесь совершить.
Сон – всего лишь больная греза,
Древних страхов метаморфоза.
Не пытайся увидеть в ней
Очертанья грядущих дней.

* * *

Память от меня отделена:
Между нами дым и пелена,
Истина и ложь, сиротство тела,
Выстрел в никуда из самострела.
Между нами ноющая боль,
Судеб заблудившихся юдоль,
Жизнь и смерть, дорога – бездорожье,
Круговерть из слов, молчанье Божье.
Память от меня отделена.
Знаю, в этом есть моя вина:
Я хотел забыть все и забыться,
Чтобы самому себе не сниться.

* * *

Ты не в прошлом и не в грядущем,
Но в ожившем, в живом, в живущем.
Постарайся в него вложить
Бесконечное счастье жить,
Бесконечную радость дела,
Единенье души и тела,
Поиск истины, горечь слов
И молитву к Творцу миров.

* * *

Все казалось бы просто, понятно:
Мы уходим во тьму безвозвратно.
Нет оттуда хороших вестей,
Нет оттуда плохих новостей.
Все казалось бы просто и ясно:
Сердце мучится, плачет напрасно.
Ход естественный не отменить,
С этим надо смириться и жить.
Но бывают такие мгновенья:
Вдруг на душу найдет озаренье,
И сквозь смерть прозревает она,
И сияет сквозь мглу глубина.

* * *

Перед провалом в никуда
Ты улыбнулась на мгновенье.
Дождя осеннего вода
Твое размыла отраженье.
Я не успел тебе шепнуть,
Что без тебя я – лист опавший,
В печали потерявший суть,
У тьмы судьбу свою укравший.

* * *

От нас зависит: был ли путь до нас
Проделан этой жизнью не напрасно.
Понять себя попробуй без прикрас,
Взгляни на сущность мира беспристрастно.
Соотнеси свой страх, свою тоску
С Неведомым, что скрыто за вещами,
И в тишине, направив ствол к виску,
Излей себя молитвой и стихами.

* * *

Как происходит спор с собой?
Ты попадаешь в раздвоенье:
Две стороны вступают в бой
И невозможно примиренье.
Две стороны вступают в бой,
Но что-то их объединяет,
Края связующей каймой
К единству смысла приобщает.

* * *

Между мной и природой стена.
Я не в силах добраться до дна
Тайной сути минувших событий,
Где в узор собираются нити.
Я не в силах понять этот мир,
Оценить, сколь прозрачен сапфир,
Что в ладони моей поместился
И в безмолвие слов облачился.

* * *

Как объяснить бессмыслицу смертей,
Когда случайно погибают дети?
Молчит смиренно мысль тысячелетий,
Найти разгадку не по силам ей.
Однако объяснение уже есть.
Достаточно отбросить мудрость мира,
Разбив в душе бездушные кумиры,
И снова прочитать Благоую Весть.

* * *

Не знаю, как тебе сказать о том:
Из атомов пустых построен дом,
Но что-то не дает ему разбиться,
Рассыпаться, разлиться, раствориться.
Из атомов пустых, из пустоты...
Но вот ко мне сквозь снег подходишь ты,
И я в глаза твои смотреть не смею,
Твою ладонь своим дыханьем грею.

* * *

Смысл – это мысль и что-то вместе с ней:
Развернутая даль лесов, полей,
Калитка, дом, колодец, сад, тропинка,
На голой ветке клена – паутина.
Смысл связывает все в один узор.
Смысл – это бесконечный разговор
Всего, что есть, всего, что существует,
И Господа в бездонной тьме разыскивает.

* * *

В самом себе я падаю во тьму.
И моему звериному уму
Не зацепиться, не прервать паденье
В раскрывшийся провал исчезновения.

Мне остается только наблюдать
И на листе карандашом писать,
Как происходит срыв в бездумье дали,
Как бесконечен океан печали.

* * *

Я никогда тебя не вспоминаю,
Ты не попала в круг знакомых мне.
Но всякий раз, когда я засыпаю,
Ты тихо говоришь со мной во сне.
Когда в бреду меня испепеляет
Смертельный пламень адского огня,
Одно мой дух врачует и спасает:
То, как ты нежно смотришь на меня.

* * *

Если все во мне и все со мной,
Почему я спорю сам с собой?
Надо просто снять с вещей границы
И увидеть их живые лица.

* * *

Россия не сама из мук возникла.
Всмотрись в ее эпохи, в ее циклы!
Увидишь тайный промысел небес
Сквозь череду знамений и чудес.
Россия не творенье человека,
Ее создать не смог бы разум века.
В душе ее святого естества
Три Ангела, три Лица Божества.

* * *

Ход времени неумолим.
Ты неизбежно вместе с ним
Уйдешь в безобразность, в незримость.
Слова и вещи – только мнимость.
Дела и судьбы – прах и пепел.
Нас мир не встретил, не заметил.
Увидел Ты, Господь, с креста
И смертью опалил уста.

* * *

Возьми чернила, кисть, бумагу,
Подобен стань жрецу и магу,
Задай бездонности сюжет,

Зажги во тьме крошечной свет,
Распредели слова и роли,
Позволь осуществиться боли
От истины и от добра,
Когда рождает смысл игра.

* * *

Мир давно бы сорвался с цепей,
Но в душе и твоей и моей
Есть надежные точки опоры,
Дуновеньем держащие горы.
В этих точках мы – боги с тобой,
В них Господь даровал нам покой,
Безмятежность, безбрежность, бесстрашие
И в Божественной жизни участие.

* * *

Не на тебя - на тень твою взираю,
И мучусь, и терзаюсь, и страдаю.
Звериный мой рассудок не постиг,
Как появился совершенный лик
В несовершенном мутном окруженье,
Где все в раздоре, все в изнеможенье,
Где нет единства, лада, полноты,
Где каждое мгновенье ты – не ты.
Нет! Не с тобой, но с твоей черной тенью
Веду я непрерывное общенье
Без слов, без мысли, взором, тишиной,
Любовью, верой, нежностью, виной.

* * *

Ригведа и Авеста не в былом.
Былое только зрительный фантом.
Все в настоящем. Вслушайся в язык:
В нем корни слов хранят живой родник.

* * *

Забуду ли тебя? О нет!
Твой совершенный силуэт,
Твой образ нежный и глубокий
Спасут от смерти эти строки.
Я их придумал, чтобы вновь
Твоя тоска, твоя любовь
Через причалы, судьбы, лица
Смогли по ним осуществиться.

* * *

В молитве раздвоенья нет.
Ее источник и предмет
Находятся в живом общенье,
В святом едином воплощенье.

* * *

Каким он был – наш общий праотец?
Зверь, недочеловек, обманщик, лжец?
Или, возможно, праведник святой,
Ведущий брань великую с судьбой?
Ответить на вопрос не в силах я.
Наследственная память бытия
Молчит и не спешит поведать нам:
Каким он был – божественный Адам?

* * *

Все выглядит бездушным и пустым.
Но как возможно это ощущение?
Без пламени не заклубится дым,
Без зеркала не будет отраженья.
А значит, есть Божественный покой,
Где полнота времен и бесконечность.
Мы потому раздавлены тоской,
Что в нас незримо существует вечность.

* * *

Дьявол искушает нас не злом.
Он нам говорит, что мир – фантом,
Что не стоит к истине стремиться,
Лучше от всего освободиться;
Надо осознать, что жизнь – игра,
Нет нам исцеленья от добра,
Мы всегда в плену своих понятий,
Мыслей, ощущений, восприятий;
Будь свободен! Встань над бытием!
Над удавкой проклятых проблем!
С разума сними петлю и путы!
Слейся с бесконечным Абсолютом!
Дьявол искушает нас не злом.
Дьявол говорит, что мир – разлом.
Не пытайся оправдать бывшее!
Раствори себя во тьме покоя!

* * *

Я не тот, кто является мной.
Я – не он, я иной, я другой.
Не известный ни людям, ни Богу,
Не способный прийти к диалогу.
Я – не он, я иной, я другой,
Не боящийся спорить с судьбой,
Смысл скрывающий в собственной тени,
А печаль – в круговерти мгновений.

* * *

Как ни пытаюсь, не могу проникнуть
В твой мир, в твоё сознание, в твою боль.
Позволь мне из моей вселенной крикнуть!
Твое дыхание слышать мне позволь!
Нас разделили с самого рожденья
Слепым потоком бесполезных дел.
Мы не способны даже на движение
Друг к другу из своих холодных тел.

* * *

Несовершенный мир – условие
Для восхождения к совершенству,
Через пустыню пустословия
К молчанью, к святости, к блаженству.

* * *

Все можно оправдать служеньем:
Невзгоды, беды, поражения.
Вопрос лишь в том, кому служить,
Кому миг жизни одолжить?
Не власти, не стране, не людям,
Но тому вечному, что будет
Всегда из глубины светить
И нас над смертью возносить.

* * *

Бог бережет и наши заблужденья,
Ошибки, грезы, тупики, сомненья.
Он не палач для нас и не судья,
Но любящий податель бытия.
Мы не рабы Ему, мы – Его дети,
Идущие сквозь мглу тысячелетий
К своим неповторимым именам,
Которые нам завещал Адам.

* * *

Я так и не узнал о том, что ты,
Как бабочка, садишься на цветы,
Скорбишь, страдаешь, мучишься, мечтаешь
И с черной страстью в жизнь и смерть играешь.
Ты не дожدهшься помощи моей
Не озаришь зарей круженье дней.
Жизнь через миг погаснет в неизбежном
Бессмысленно, бесследно, безнадежно.

* * *

У разума всегда подмена
Реальности самим собой,
Всегда решетки, дыбы, стены
Перед бездонной глубиной.
Его пугает все иное,
Он не доволен бытием.
Ему дороже не живое,
А объективность мертвых схем.

* * *

Это надо понять, осознать:
Мы должны были пасть, проиграть
В битве с Западом, в схватке с Востоком
Бесконечной, кровавой, жестокой.
Но у самой последней черты,
Перед гибельной мглой пустоты
Божий Дух помогал нам собраться,
Снова выстоять, снова сражаться.
Кто докажет, что это не так,
Что случайно погибель и мрак
Вдруг отстали от нас, отступили,
Затянуть нам удавку забыли?
Нет! Никто! Слишком труден маршрут,
Слишком много ловушек и пут,
Чтобы нашу земную дорогу
Объяснить без вмешательства Бога.

* * *

Соедини античность со Христом!
Получится уродливый фантом.
Пред ним склонился Запад безысходно,
Открыто, добровольно и свободно.

* * *

Заметь, как в сознание твоём
Беседу ведут голоса.
Они превратили в свой дом
Твой мир и твои небеса.
Ты думаешь, что это ты
Вступил в разговор сам с собой,
Тогда как жрецы пустоты
Играют твоею судьбой.
Что делать тебе? Как прервать
Кружащий в душе маскарад?
Попробуй в молитве снискать
Клинок, рассекающий ад!

* * *

Упиваюсь твоей красотой
И, как листик, дрожу пред тобой.
Страшно мне оскорбить тебя взглядом,
Тем, что тень моя мрачная рядом.
Страшно мне прикоснуться к руке,
Разместить твоё имя в строке.
Я как будто твой ангел-хранитель
Или губящий дух – искушитель.

* * *

Нет у бездонности дна.
Только разлука, вина,
Вера, тоска, глубина,
Память, любовь, тишина.
Только сценарии сна,
Льющая блески луна,
Смыслов и слов пелена –
Нет у бездонности дна.

* * *

Россия перед Богом – воин,
Он за неё всегда спокоен.
Глумится Запад и Восток
Над святостью её дорог.
Россия перед Богом – странник,
Его защитник и избранник.
Кричит бесовский хоровод
О безысходности невзгод.
Россия – вызов и призванье,
Триипостасное сиянье

Через узоры естества
Таинственного Божества.
Россия – миссия, служенье,
К Софии Божьей восхождение,
А не страна и не народ,
Сквозь бездну ищущие брод.

* * *

Мы с тобой родились до рожденья
В думах наших дедов и отцов,
В муках безысходного сомненья
Потерявших веру мудрецов.
Мы с тобой уже давно свершили
Все, что нам дано здесь претворить.
В колыбели два дитя решили
Снова подвиг жизни повторить.

* * *

Я за тобой срываюсь в омут.
В любви неотвратимо тонут
Слова и жесты, что вокруг
Вращают свой бездушный круг.
Я за тобой бросаюсь в бездну.
Ты так изысканно любезно
Даешь себя поцеловать
И тайну сущего объять.

* * *

По веткам древа можно вновь прийти
К корням, к истокам нашего пути,
К тому, что нам не вспомнить, не забыть,
Что властно повелело жизни жить.
По веткам древа можно вновь вернуть
Святую и божественную суть
Того, зачем возникла даль небес,
Зачем Спаситель умер и воскрес.

* * *

Золотая Орда –
Степи и города,
Волжский берег, вода,
Судьбы, версты, года.
Золотая Орда –
Табуны и стада.
В ночь скатилась звезда,

В напряжение узда.
Золотая Орда –
Трудный путь в никуда,
Битвы снега и льда,
Ожиданье Суда.

* * *

Смерть потому необходима,
Что жизни задает предел,
Освобождает взор от дыма,
От суеты ничтожных дел.
Ее словами не отменишь
И рифмами не обойдешь,
Не устранишь, не обесценишь,
Играя в истину и ложь.

* * *

Ты рядом, но, по сути, тебя нет.
На тень твою не попадает свет.
В твои поступки мысль не проникает.
Твои движения разум не цепляет.
Ты рядом, но душа твоя в другом.
Сквозь бесконечность звезд прошел разлом.
Жизнь разделила черная граница,
От лжи и фальши потемнели лица.
Я делаю в бездонность смерти шаг.
Я с высоты бросаюсь в ночь и мрак.
Быть может, там, у вечного причала,
Возможность есть начать судьбу с начала.

* * *

Если нет диалога с другим,
Глубина превращается в дым,
Все становится вдруг беспризорным,
Безысходным, немым, иллюзорным.
Все становится тленным, чужим,
Бесполезным, ненужным, пустым,
Даже истина, даже молитва,
Когда в вены вонзается бритва.

* * *

По длинной тоненькой цепочке
От мертвой пыли до меня
Проложен путь ожившей точки,
Укравшей искорку огня.

И я хотел бы разобраться:
Как стало мертвое живым?
Как в череде импровизаций
В лицо вдруг превратился грим?
В моем распоряженье разум,
Но он способен лишь блуждать
По междометьям, смыслам, фразам
И с нами в истину играть.

* * *

- Скажи мне, будущий философ:
Что нас спасает от вопросов,
В которых гаснет смысл и свет,
К которым не найти ответ?
- Искусство их не замечать,
Искусство правильно молчать.

* * *

Представь: Вселенная без нас.
Никто не видит и не знает
Ее красот, ее прикрас
И сердце ей не открывает.
Никто не любит и не ждет,
Никто не думает, не слышит,
На бесконечный небосвод
Никто в порыве чувств не дышит.
Все существует в вечной мгле.
Мгла бесконечна, необъятна.
И вместо нас здесь, на Земле,
Всего лишь призрачные пятна.

* * *

Как мне проникнуть в твою душу?
Как мне разбить ее гранит?
Я обездолен и исушен.
Я смят, раздавлен и избит.
Ты замкнута в своем сознание
И ищешь во Вселенной кров
На бесконечном расстоянии
От моих чувств и моих снов.

* * *

Без языка я только зверь бездушный,
Звериной безысходности послушный,
Боящийся горящего огня,

Не требующий имени у дня.
И мне не объяснить, как получилось,
Что естество живое научилось
Не просто думать или говорить,
Но смыслы из бессмыслицы творить.

* * *

Я родился, уже блуждая
Между смертью и бытием,
Между сладким забвением рая
И тщетой безысходных тем.
Я родился уже с сознанием,
Где все истины естества
Приготовились к воздаянью,
Словно желтых берез листва.

* * *

Нас не должно было здесь быть,
Но вопреки слепой природе
Жизнь получила право жить
С мечтой о чуде, о свободе.
Жизнь научилась создавать
Сюжеты истины и смысла
И с бесконечностью играть
В судьбу, в любовь, в разлуку, в числа.

* * *

Неужели в самом начале,
У истока бегущих лет,
Мы с тобой друг о друге знали
И дарили друг другу Свет?
А потом началось паденье
Духов гордых в трясину тьмы.
Беспросветной фатой забвенья
Обернулись наши умы.
Мы забыли о том, что жили
В центре вечных небесных сот,
Что надеялись и любили
Без мучений, невзгод, забот.
Я спускаюсь на дно печали.
Я пытаюсь вернуть тот миг,
Где два ангела созерцали
Бесконечности Божий Лик.

* * *

Вижу бытие не просто Я,
Но взирает вдаль через меня
Этот мир бездонный и глубокий
И с любовью пишет эти строки.

* * *

Шумер, Египет, Индия, Китай!
Я вместе с вами заглянул за край,
Стал мудрым, бескорыстным, человеческим,
Обрел единство с истинным и вечным.
Я вместе с вами умер и воскрес,
Достал до дна, поднялся до небес
И с искренней наивностью ребенка
Почувствовал, как хрупко все и тонко.

* * *

Невзгоды, беды, неудачи
Дают нам посмотреть иначе
На этот мир, на его цель
Сквозь бесконечную метель.
Ошибки, срывы, поражения
Сопровождают восхождение
Души к высотам бытия,
Где в точку сходятся края.

* * *

Война не возникает просто так.
В войне из пустоты ползущий мрак
Стремится захватить пространство света
И сделать бытие своим предметом.
Война не происходит просто так.
В войне дается небом божий знак,
Чтобы, приняв его, мы изменились
И в таинстве священном причастились.
Не бойся посмотреть в глаза войны!
В них исповедь грехов и боль вины,
В них ужас воздаянья, возмещения,
Молитва и надежда на прощенье.

* * *

Мысль в большей степени скрывает,
Чем открывает смысл и суть,
Вокруг и около блуждает
Из тьмы во тьму, из мути в муть,
Из теоремы в теорему,

Из постулата в постулат,
Одну распространяя схему
На омут звезд, на звездопад.

* * *

Кто есть поэт? Соавтор Бога.
В нем бесконечная тревога
За бытие воплощена,
В нем совокупная вина
Всех судеб, всех существований
Находит почву для страданий,
Находит средство искупить
Безумное желанье жить.
Кто есть поэт? Распятый с Богом.
В нем – подведение итога
Скитаний по тропинкам бед
Через тщету прошедших лет,
Через подъемы и паденья
К святому таинству мгновенья,
К живому смыслу тишины,
В которой дремлют наши сны.

* * *

Россия больше, чем страна,
В России скрыта глубина,
Но чтобы с ней соединиться,
Ты должен в птицу превратиться.
Ты должен в небеса взлететь,
Испепелить себя, сгореть,
Из пепла возродиться снова
В лучах Божественного Слова.

* * *

Игра на шахматной доске.
Фигуры – страны и народы.
Миллиардеры-кукловоды
Рисуют схемы на песке.
Вот пешка – «с ней вопрос решим».
Вот конь – «его подкупим сеном»,
«Искусственно поднимем цены»,
«Огня не видно, только дым».
Вот слон – «потерпим до поры».
Вот ферзь – «с ним нам сплошные беды»,
«И если нет еще победы,
Изменим правила игры»...

Все под контролем у дельцов,
В расчет не взят лишь фактор Бога.
Отсюда вечная тревога
И страх египетских жрецов.

* * *

Не забывай о том, что где-то рядом
Холодная воронка звездопада,
Безумные провалы черных дыр,
Вся бездна бытия, весь этот мир.
Ты с ними сокровенной тайной связан,
И твой во тьму срывающийся разум –
Всего лишь незаметный завиток
Написанных Всевышним вечных строк.

* * *

В глазах у брошенного пса
Боль, безысходность, безнадежность,
Покинутые небеса,
Неотвратимость, неизбежность.
Еще бы миг, и разговор
С дворянкой в мир явил бы чудо,
Но я не вынес ее взор
И поспешил уйти отсюда.

* * *

Жизнь – гармоничное общенье
Входящих в бытие частиц,
Единство трат и возмещения,
Сотворчество времен и лиц.
Смерть – замыканье душ и духов
В своей печали и тоске,
Вселенская вражда, разруха,
Гниение зерен в колоске.

* * *

Сами эпохи враждуют
В наших живых сердцах
И смыслы слов воруют
С виселиц, дыб и плах.
Сами эпохи глумятся,
Кровью раскрасив синь,
И не дают общаться
С истинами святынь.
Не примирятся взгляды

Борющихся времен.
Хлопьями снегопада
Разум их ослеплен.
Прошное нам не позволит
Спрятаться или уйти.
Вьюга тоску неволит
Быть судьей в пути.

* * *

На лезвии судьбы любить и верить,
Свой каждый шаг божественностью мерить.
Пусть в собственности нашей только миг,
В него войдет вся бесконечность книг.
В него войдут все судьбы и дороги,
Все наши беды, горести, тревоги,
В нем тайна тайн, причина всех причин,
Завет заветов, глубина глубин.

* * *

Во имя собственной свободы
Не надо жертвовать страной,
Ее страдающим народом,
Ее трагической судьбой.
Не будь бездушным инструментом
В руках культурных подлецов,
Что, ловко пользуясь моментом,
Стреляют в прошлое отцов.

* * *

Я понимаю, что не я
Хозяин собственных решений,
Что что-то из небытия
Определяет путь свершений.
Но есть защита у меня
Пред бездной несуществования:
Молитва, полная огня,
Надежда, вера, состраданье.

* * *

Ты так самозабвенно его любишь,
Относишься к нему тепло и нежно,
Что чувством этим мое сердце губишь
Безжалостно, беспечно, безнадежно.
Мне не понять, в чем тайна маскарада,
Кто здесь герой, кто зритель, кто невольник,

Какому режиссеру было надо
Вписать троих в печальный треугольник.

* * *

Грядущее давно уже прошло,
В лесу тропинку снегом замело.
Мы этого с тобой не ощущаем
И потому в бредовом сне блуждаем.
Нам кажется, что жизнь бежит вперед,
Что кто-то нас за горизонтом ждет,
Тогда как все во времени свершилось
И в хрупкие снежинки превратилось.

* * *

Все наши мысли, песни, стоны
От Аркаима до Арконы
Хранит в себе родной язык.
Он – дар небес, он – книга книг.
В нем весь набор имен, сюжетов,
Идей, вопросов и ответов...
Прислушайся к своим словам!
С тобой заговорит Адам!

* * *

Я болен мыслью и сознанием,
Я созерцаю мирозданье
Всегда в отрыве от себя,
Блуждая, мучаясь, скорбя.
Я созерцаю жизнь природы
Отдельно от своей свободы.
Все внешнее меня гнетет,
Страшит, пугает, давит, рвет.
Мне самому не исцелиться
И с бездной не соединиться.
Здесь нужен благодатный зов
Из глубины святых основ.

* * *

Нет сил терпеть, нет сил сражаться
В крошечной тьме с крошечной тьмой.
Дождинки на листе акаций
Заговорили вдруг со мной.
Кузнечики в траве дорожной
Мне объяснили, почему
Так безнадежно, так тревожно,

Так больно сердцу моему.

* * *

Мы в подчиненье у стихий
Безликой и слепой природы.
Отец греха, библейский змий,
Лишил нас истинной свободы.
И здесь спасение в одном:
Всегда осознавать границы;
Смирять плоть свою трудом,
Просить прощенье и молиться.

* * *

Одиночество не в том, что ты один,
Что заблудшая душа со всеми в ссоре,
Но в смертельном сне зияющих глубин,
Не участвующих в нашем разговоре.

* * *

Вопрос «зачем» не смог бы появиться,
Если бы Дух Небесный наши лица
Дыханием своим не озарил,
Когда мы вышли из своих могил.
В вопросе «почему» не видно края.
И наши души в слепоте блуждают
По самым узким тропам бытия,
В узорах звезд безмолвие тая.

* * *

Неандерталец! Ты мой старший брат!
Твой род был мною истреблен когда-то.
Смотрю я обреченно в звездопад
И, словно Каин, жду с небес расплаты.
Творец миров предал меня суду:
Мне не с кем поделиться своим горем.
Я сам с собой беседую в бреду
И разлагаюсь в этом разговоре.

* * *

Хартленд – евразийская твердыня,
Место благодатное земли.
К древним его капищам доныне
Подойти не смеют корабли
Хитрых, хищных, злых народов моря,
Потерявших веру и любовь,

Сеющих разруху, смерть и горе,
Ставящих на торг чужую кровь.
Смысл России – отразить атаки
Духов, промысляющих войной,
И хранить Божественные знаки,
Что питают Остров Мировой.

* * *

Смерть – самый близкий собеседник,
Духовный пастырь, исповедник,
Дарящий истину живым...
Не прерывай общение с ним!

* * *

На лезвии бессонницы и сна
Ты предложила мне испить вина
Своей любви, своей безумной страсти,
Добра и зла, бесправия и власти.
На грани бытия – небытия
Посмел тобою восхититься я
И, вопреки бездонному провалу,
В тебе увидеть свет первоначала.

* * *

Не бойся через смерть перешагнуть!
И в единенье с миром встань на путь!
В конце скитаний жизнь вернется снова,
Открыв в молитве вечную основу.

* * *

Не доверяй блудливым мудрецам!
Господь уже давно открылся нам!
Найди в своей душе святые свитки.
Все бытие висит на тонкой нитке.
Не дай себя увлечь и обмануть!
Есть истина, есть к ней ведущий путь!
Он подвигом святых отцов измерен
И в бедах нашей Родины проверен.
Встань на него и по нему пройди!
Возможно, там, в грядущем, впереди,
Дух Божий снизойдет в твою обитель,
И вспомнит о твоей душе Спаситель.

* * *

Нет нам спасенья в этом мире.

Надежда наша глубже, шире
Его разломов и пустынь,
Кумиров, идолов, святынь.
Ничто нам в мире не поможет,
Кроме Тебя – Великий Боже.
Даже бессмертье нам во вред,
Если к Тебе тропинки нет.

* * *

То был не я – мгновение назад,
Когда с листвою берез прощался сад,
Но мой двойник, пытающийся с детства
Заполучить меня в свое наследство...

То был не я, когда вот здесь, сейчас,
Бессовестно обманывая вас,
Придумал двойника, чтобы с ним вместе
Уйти в поток обмана, лжи и лести.

* * *

Минувшее преследует меня.
Я убегаю от его огня,
От его муки, от его дыханья
В бессущностную глухоту молчанья.
Но даже в глухоте оно со мной
И неизбежно губит мой покой
Своей тоской, своими голосами,
Разорванными в клочья небесами.

* * *

Не дай нам, Боже, потеряться
В плену искусственных проблем,
В театре точных имитаций,
В тщете одних и тех же схем!
Не дай нам, Господи, нарушить
Законы вечные Твои,
Себя измучить, обездушить
В петле вертящейся змеи!

* * *

В том сокровенный замысел Творца,
Что к истине приходят только вместе.
Бесплодна, тщетна мудрость мудреца,
Основанная на господской чести.
Нет! Нищие, бродяги и глупцы

Всевышнему и ближе, и дороже,
Чем ищущие славы гордецы,
Лежащие на философском ложе.

* * *

Ты каждой клеточкой телесной
Завязан, связан с неизвестным.
Оно тебя целит, хранит,
Боготворит, животворит.
В душе осознавая это,
Попробуй мыслью сквозь предметы
Дойти до самого конца,
До вечной истины Творца.

* * *

Народы Запада мечтают
Вернуть потерянный исток
И в глубь Евразии взирают,
Где сходятся круги дорог.
То Хартленд – город мудрых риши,
Благословенный Аркаим.
На лестнице времен он выше,
Чем Вавилон, Афины, Рим.
Не в том ли миссия России,
Чтобы хранить пути к нему,
Когда Валькирии слепые
Срываются в ночную тьму?

* * *

Я понял, для чего возник
В лесу, в густой траве, родник:
Вода питает корни слов
И стебли тонкие миров.

* * *

Меня во мне не так уж много:
Мечта о чуде, боль и страх,
Мысль о себе, молитва к Богу
И вкус полыни на устах.
Я здесь почти не существую.
Есть мое тело и мой дух.
В них путешествуют вслепую
Боль, обонянье, зрение, слух.

* * *

Определить судьбу России
Не в силах разум мудреца.
Сквозь время видят лишь святые
Великий замысел Творца.
Он есть, он скрыто существует
В истории, в делах людей
И над тщетою торжествует
Обожествившихся идей.

* * *

Ты не сознание и не тело,
Не свиток, не письмо, не весть,
Но выход жизни за пределы
Того, что в этом мире есть.

* * *

Язык не просто сеть значений,
Система слов, обозначений.
В нем универсум лиц живых,
Молитва, музыка и стих.
Язык не просто связка правил,
Он сам себя явил, представил
В сознание полуобезьян,
Рассеяв мировой туман.

* * *

Никто не сможет оценить,
Насколько это важно — жить.
Все постигается в сравненье.
Но как схватить исчезновенье?

* * *

Смерть имеет смысл лишь для живых,
Мертвые уже не знают смерти.
Напиши себя, как пишут стих,
И отправь Всевышнему в конверте.
Ты живешь, но часть твоей души
Уже там, за горизонтом боли.
Так что в суматохе не спеши
Выбирать здесь судьбы, маски, роли.

* * *

Паденье вверх опаснее всего.
Боюсь спросить у сердца своего:
Как получилось, что я поднимался

И среди мертвых статуй оказался?

* * *

Уничтожить меня легко.
Даже если там, далеко,
Вдруг свернется звезда в дыру,
Я от боли ее умру.
Я от муки ее сгорю,
След кометы уйдет в зарю,
Загремит за рекою гром...
Все едино и все в одном!

* * *

Через небо не перескочить
И бездонность в мысль не облачить.
Нам дано лишь обнаружить это
В паутинке утреннего света,
В зыби на поверхности реки,
В том, как золотые мотыльки
Славят вечный миг существования
И не делят на слова молчанье.

* * *

Россию Бог оставил для Себя,
Открыл ей три Лица, три Ипостаси,
Чтобы она, страдая и скорбя,
Могла творенье святостью украсить.

* * *

Я знаю, что провал неотвратим.
Я через жизнь шагаю вместе с ним.
Мне от судьбы такой не оторваться,
Чтобы с самим собою не расстаться.
Я знаю, что все тщетно, все пройдет,
Все кружевами вьюги заметет,
Но почему-то каждое мгновенье
Прожить пытаюсь с чувством вдохновенья.

* * *

То, что можно сказать, уже сказано,
Пережито, открыто, доказано.
Нам осталось отбросить все лишнее
И с мольбой обратиться к Всевышнему.

* * *

Россия бы давно распалась,
Если бы в вечности небес
С ней истина не повенчалась
Во имя будущих чудес.
России бы давно не стало,
Если бы в мире сам Господь
Не влил духовные начала
В ее трепещущую плоть.

* * *

Мне страшно сделать шаг вперед:
Что если вечный небосвод
Сорвется в бездну тьмы ночной
От моих склок с самим собой,
От моих дум, от моих дел,
От острых ядовитых стрел,
Запущенных в моих врагов,
От суетных, фальшивых слов?
Мир слишком хрупок, чтобы в нем
Играть в войну, играть с огнем,
Мстить, лицемерить, предавать,
И ложь за правду выдавать.

* * *

Без Бога истина коварна,
Бесплодна, призрачна, бездарна,
Бессодержательна, мертва,
Как бесполезные слова.
Без Бога истина ужасна,
Бесчеловечна, беспристрастна,
Уродлива, глуха, пуста,
Как тень креста, но без креста.

* * *

Жизнь только с тайной обретает суть,
С надеждой, что удастся все вернуть.
Без тайны, без надежды жизнь – блужданье,
Разбитое на сны существование.

* * *

Меня уже давно на свете нет,
Во времени мой растворился след.
Никто не вспомнит обо мне с тревогой.
Кружатся хлопья снега над дорогой.
Кружатся хлопья снега над крестом,

Где мое имя видится с трудом.
На ветке снегири играют в прятки.
Разгадка здесь, но не найти загадки.

* * *

Все зыбко и непрочное в бытии.
Я пристально смотрю в глаза твои.
В них отразился первый миг творенья,
Восторг и мука, гибель и спасенье,
Возможность правды и возможность лжи,
Реальность и пустые миражи...
Я сжал горсть снега, ты зевнула мило
И на плечо мне голову склонила.

* * *

Господь Себя приносит в жертву нам,
На этой жертве создается храм.
В нем истинное обретенье Бога,
Молитвенная тайна диалога.
В нем нам принадлежит все бытие.
Все искорки небесного колье
Надеются и ждут от нас участия,
Нас берегут и верят в наше счастье.

* * *

Пока я остаюсь в своем сознание,
Я буду думать о существовании,
Искать его подводные ключи
В холодной тьме, в безветренной ночи.
Пока я остаюсь в своем сознание,
Мне не прервать, не превозмочь скитание.
Сквозь жизнь и смерть, сквозь вьюгу и метель
Стрела летит уверенно на цель.

* * *

Опаснее всего замкнуться,
В своей печали захлебнуться,
Холодным лезвием тоски
Себя изрезать на куски.
Опаснее всего закрыться,
Своим уныньем удавиться,
Пустынным ветром иссушить
Желанье верить и любить.

* * *

Бесконечно совсем другое:
Вечно любящее, живое,
А не призраки мертвых идей
В головах горделивых людей.

* * *

Сознание наше слишком зыбко.
В нем может каждая ошибка
Случайно превратить в фантом
Построенный над бездной дом.
Сознание наше понимает,
Что ему кто-то помогает
В потоке чисел, фактов, дат
Найти закономерный ряд.

* * *

Две галактики мчатся навстречу друг другу.
Мое сердце свернулось в комок от испуга.
Ты, смеясь, говоришь мне, что все это бред,
Ведь в запасе у нас сотни, тысячи лет.
По цепочке пройдут наши дети и внуки,
Испытают на миг вкус любви и разлуки,
Потеряют смысл жизни и снова найдут,
Облачая в стихи свою боль и свой труд.
Две галактики мчатся навстречу друг другу.
Мы с тобой заблудились в движение по кругу.
За окном завывает и стонет метель,
Имитируя в сумерках нашу постель.

* * *

Живи на наконечнике копья,
На грани бытия – небытия.
За истину Всевышнего с молитвой
Бросайся, не задумываясь, в битву.
Нет, не с людьми, но с собственной судьбой,
С природою своей, с самим собой,
С тем, что нас тянет в омут тьмы кромешной,
В бесовскую воронку жизни грешной.

* * *

Даже прозревая сквозь предметы,
Отдавай всегда себе отчет
В том, что в смысловом пространстве света
Кто-то тебя к истине влечет,
Кто-то тишиной тебе внушает,

Что имеет смысл вести борьбу,
И в любви отеческой прощает
Твою жизнь, твой путь, твою судьбу.

* * *

Услышать музыку Вселенной:
Не ту, в которой тонет слух,
Но ту, что в тайне сокровенной
Рождает мысль, рождает дух,
Рождает веру и смирение
Пред тем, что сердцу не понять,
Пред тем, кто в слове откровенья
Дарует смысл и благодать.

* * *

То, чего нет, не потеряешь,
Когда с судьбой в судьбу играешь.
И все же что-то каждый час
Проходит скрытно мимо нас.

* * *

Не ты, не я, но что-то между нами
Намереньями нашими, делами
Являет саму сущность естества
Перед последней тайной Божества.
Не ты, не я, но наше единенье
Пред бесконечной вечностью мгновенья
Спасает нас во тьме от нас самих
И облачает наши муки в стих.

* * *

Не стреляйся! Вникни на мгновенье:
Смерть всегда в твоём распоряженье!
Жизнь же – ненаполненный кувшин.
Влей в него тоску своих глубин!

* * *

Через барьер не перепрыгнуть,
Когда барьер – бездонность звезд.
Я не могу себя подвинуть
Встать перед миром во весь рост.
Я не могу себя заставить
На лезвии, на острие
Гордыню мира обесславить,
Чтобы объять все бытие.

* * *

Тень забытья всегда передо мной.
Я ее пленник, мученик, изгой.
Над пропастью иду по тонкой нитке
Без права совершить повтор попытки.

* * *

Поймай себя на том, что ты лишь пыль,
Которой вдруг дано на миг увидеть,
Как на ветру в лучах дрожит ковыль,
И бабочку в ладонях не обидеть.
Которой суждено пройти сквозь боль,
Сквозь муку безысходного сомненья.
В борьбе кровавой духов, душ и воль
Возвыситься до тайны всепрощенья.

* * *

Забыться – встать за бытие,
За звезд холодное кольцо,
Туда, где вечный мрак и стужа,
Где призраки над бездной кружат.
Забыться – потерять себя
В бредовых снах небытия,
Где нет ни смысла, ни значенья,
Но лишь круги разоблаченья.

* * *

Россия существует вопреки,
Ее давно бы не было на свете,
Но бьют в глубинах духа родники,
Питающие ткань тысячелетий.
Питающие нашу плоть и кровь,
Поэтому мы так по-детски верим
В добро, в смысл жизни, в истину, в любовь,
И бытие божественностью мерим.

* * *

Твою ладонь целую нежно.
Над нами тихо, безмятежно
Вальсирует пушистый снег,
Нас приглашая на ночлег.

* * *

Уйти из разговора или

Остаться в нем на все века?
Откуда у ожившей пыли
Боль, одиночество, тоска?
Откуда воля и терпенье?
Откуда вера в смысл и суть?
Я замираю на мгновение...
И снова продолжаю путь.

* * *

Я должен говорить за всю Вселенную,
За ее мысль святую, сокровенную.
Как плод соединения нас двоих,
На белом полотне сияет стих,
Исполненный любви и восхищения,
В себя вобравший горе и лишения
Всех тех, кто здесь уже однажды жил
И каждым мигом жизни дорожил.

* * *

Страдание – страда в широком поле.
Не обвиняй судьбу в нелегкой доле.
Окупится твой непосильный труд,
Когда восстанут мертвые на Суд.

* * *

Будь осторожен с грезами, мой друг.
Все, что придумал ты, с тобою было.
Ось бытия, вращающая круг,
В иной Вселенной бред твой воплотила.
Не доверяй фантазии своей.
Она мечтает снять с вещей границы,
Чтобы бредовым сном, игрой теней
Мир подменить и в мире воплотиться.

* * *

Неужели, Боже, мне дороже
Моя плоть моей души святой?
Я пытаюсь вылезти из кожи,
Чтобы слиться с небом, с глубиной.

* * *

Истина не смысл и не идея,
Не набор из формул, аксиом,
Но во мгле бескрайней одиссея
Человека, ищущего дом.

* * *

Организму личность не нужна.
Ее муки и ее проблемы,
Смыслы, аксиомы, теоремы
Для природы – разновидность сна.
Мы ее болезненные грезы,
Расцвели на миг и отцветем.
Я смотрю на этот мир сквозь слезы
И брожу бесцельно под дождем.

* * *

Смерть – всего лишь взгляд со стороны.
Вслушайся в молчанье тишины
И услышишь голоса живые:
Как друг с другом говорят святые.

* * *

Свобода – вправе на прощенье.
Все остальное – блеф и ложь.
Жизнь – неизбежность возвращенья
К тому, что в жизни не вернешь.
Жизнь – неизбежность пониманья
Того, что в жизни не понять,
Когда в любви и состраданье
Ты каждого готов обнять.

* * *

Мир за собой не оставляет
Ни силуэта, ни следа
И каждый миг соединяет
«Ничто», «нигде» и «никогда».

* * *

Природа с нами не считается,
В слова и смысл не облачается.
Мы существуем вопреки
Ее стихий, ее тоски.
Мы существуем по наитию,
Дав имя каждому событию.
И даже в смерти видим суть,
Возможность снова все вернуть.

* * *

Мир до конца не исчерпаем,

В противном случае ему
Пришлось бы упереться краем
В непознаваемую тьму.

* * *

Мой друг не рядом, а во мне:
Незримо, тайно, в тишине
Добыть стремится мне спасенье
Через огонь уничтоженья.
Он едко шутит надо мной
И беспросветной пеленой
Скрывает в простоте ответа
Лучи Божественного света.

* * *

Нам тяжело держать осанку.
Мы вывернуты наизнанку:
Душа должна сиять вовне,
А тело меркнуть в глубине.

* * *

Слишком много смысловых потоков,
Чтобы мог случайно появиться
Этот мир бездонный, одинокий,
Наши судьбы в нем и наши лица.
Значит, есть иное измеренье,
Значит, есть вселенский центр воли,
Ожививший на одно мгновение
Замысел, сценарий, маски, роли.

* * *

Играть со смертью – сладкая забава
Для тех, кто ищет новых ощущений,
Для тех, кому нужна пустая слава
В скользящей эстафете поколений.

* * *

Зверь не ушел и не уйдет.
Он улыбается и ждет:
Когда, презрев себя, калека
Откажется от человека?
Зверь затаился и сидит,
Весь напряжен, не ест, не спит.
Еще столетье и сквозь лица
Проявится оскал волчицы.

* * *

Пойми! Поверь, что в муке крестной,
В молитве на кресте небесной
Мы все Всевышним спасены
И к истине вознесены!

* * *

Умершие воюют за живых,
Когда своим молчаньем нас терзают
И истины Вселенной открывают,
И помогают нам облечь их в стих.
Умершие воюют за живых,
Когда во сне приходят к нам из бездны
И дарят нам советы безвозмездно,
И открывают будущее в них.

* * *

По мысли Симеона Богослова,
Бездонное Божественное Слово
Присутствует все время среди нас...
Сними повязку мглы с духовных глаз!

* * *

У динозавров попрошу прощенье
За то, что мы живем здесь вместо них.
Пусть будет хоть каким-то возмещеньем
Им этот мой короткий, скромный стих.
Они бродили по земным дорогам,
Не думая на сотни лет вперед.
Их не томила горькая тревога
О том, что все когда-нибудь пройдет.
Упавший с неба мертвый астероид
Определил их бытию предел...
Меня все время мучит, беспокоит
Беспечность наших гордых душ и тел.

* * *

История вершится не в сраженьях,
Не в пафосе побед, не в поражениях.
Возьми перо, чернила и листок
И напиши для неба восемь строк!

* * *

Странно, что у загнанного зверя

Есть возможность ощущать потери,
Размышлять о смерти, верить снам
И взывать в молитве к небесам.
Что-то с нами страшное случилось,
В тело зверя истина вселилась.
Сквозь инстинкты тихо, не спеша
Проявилась, проросла душа.

* * *

Попробуй возгореться изнутри!
Сожги себя дотла лучом зари!
Разбей оковы тьмы Христовым Словом!
И станешь православным богословом!

* * *

Нам не хватает ощущений,
Чтобы на плоть свою поймать
Нить ускользающих мгновений
И тайну жизни разгадать.
Поэтому в свое познание
Включи наитие, чутье.
И вся бездонность мироздания
Войдет в предвиденье твое.

* * *

Я просто вещь среди вещей,
Но что-то в глубине моей
Меня безжалостно терзает
Тревожит, мучит, разрывает.
Я просто кости, мышцы, плоть,
Но сотворивший мир Господь
Из вечности ко мне вызывает
И бесконечным наполняет.

* * *

Хартленд совпадает с Аркаимом.
Там исток, начало всех путей.
Тайна бытия непостижима
В абсолютной близости своей.
Посмотри на город мудрых риши,
Где они слагали гимны Вед.
Их тоска святым дыханьем дышит
Нашим заблуждениям в ответ.

* * *

Мысль осознает свои границы.
Ей всего лишь грезится и снится,
Что она выходит за края
Созданного Богом бытия,
Что она сама себе хозяйин,
Что в ее порыве не случаен
Выбор целей, замыслов, путей,
Категорий, символов, идей.

* * *

Уже в самом вопросе скрыт ответ,
Не важно, есть в нем сущность или нет.
И значит, сам язык с тобой играет,
Вопросы задает и отвечает.
Он хочет, чтобы ты в его игре
Задумался о смысле, о добре,
На миг увидел красоту Вселенной
И прикоснулся к тайне сокровенной.

* * *

Я – всего лишь слепой механизм.
Моя скука и мой пессимизм
Жестко заданы страстью природы
Создавать фейерверки свободы.
Выстрел в небо – и сотни огней
В кружевах драгоценных камней
Опускаются тихо и гаснут
Беспричинно, бесцельно, напрасно.

* * *

Все кажется пустым, ничтожным
Пред истинным, пред невозможным.
На этой грани я скольжу,
Уподобляясь миражу.
На этой грани я срываюсь
И в бесконечной тьме скитаюсь.
Как беззащитный мотылек,
Лечу в ночи на огонек.

* * *

Мне не искупить свою вину.
Бытие мое подобно сну.
Боже! Ты один меня спасаешь
И из бездны к Свету возвращаешь.
Мне не исцелиться без Тебя.

Без Тебя я, жизнь свою губя
В бездуховной суетной корысти,
Выдаю за смысл фантомы истин.

* * *

Любовь важна, но есть и то, что выше:
Мое существование пред Всевышним.
Я к истине небесной возношусь,
Когда себя пугаюсь и стыжусь;
Когда себя над бездной распиною,
Когда слова молитвы повторяю...
Прости мне, Боже, боль моей души
И осуждать за черствость не спеши!

* * *

И у души есть право на ничто,
Когда она в тоске своей все то,
Что пережила, может отменить,
Чтобы потом забыться и забыть.
Без права на ничто душа – раба.
И ей не исцелиться от горба,
Что вырастает из трудов и дел,
Из вечной обездоленности тел.

* * *

Наша мысль о бытии частична,
Суетна, поверхностна, безлична,
Ветрена, обманчива, пуста,
Как круженье мертвого листа,
Как в окно печальный стук дождинок,
Как круговорот цветных картинок...
Нет проникновенья в глубину и в суть,
На ладонях остается муть.

* * *

Если я случаен, то зачем
В петлях аксиом и теорем
Мое сердце ищет утешенья
И стремится оправдать лишенья?
Значит кто-то говорит ему,
Что не все уйдет во мглу, во тьму.
Есть во мне, что мной пребудет вечно,
Что в себе бездонно, бесконечно.

* * *

Пойми! Язык и есть Дух Божий!
Я ощущаю это кожей,
Когда по ней проходит дрожь
От слов, передающих ложь,
От слов, используемых нами
Для выраженья именами
Молитвы к тайне бытия
Во тьме Божественного Я.

* * *

Пред Господом предстанет оболочка:
Все содержанье съедено грехом.
Смысл жизни раскрывающая строчка
Не исцелит блуждающий фантом.
Ничто не в силах успокоить совесть,
Кроме Тебя – прощающий Господь.
Мое бывшее превратится в повесть,
Когда вкушу с молитвой Твою Плоть.

* * *

Зачем мне бытие? Я был ничем:
Бесчувствен и безгласен, слеп и нем.
Не подчинялся власти жестких схем,
Не знал о том, что жизнь – клубок проблем.
Но кто-то вызвал тень мою к себе
И привязал безжалостно к судьбе.
Я очерствел и поседел в борьбе,
Я прикоснулся к истине в мольбе.
Пред Ним я просто пепел, пыль и прах,
Пред Ним я – страх, боящийся свой страх.
Он взвешивает судьбы на весах
И прячет тайну жизни в небесах.

* * *

Я никогда бы не родился,
Если бы замысел Творца
В моей судьбе не воплотился
До полноты и до конца.
Мысль Бога обо мне сцепила
Молекулы в живой комок.
Обворожила, вдохновила
Его узорами дорог.

* * *

Провал в ничто всегда передо мной

И искушает сердце тишиной.
«Что если там ответ на все вопросы?» -
Смеется тихо в зеркале философ.
От страха я ударил по стеклу
И провалился в собственную мглу.
Провал не предо мной, не в мироздании,
Но в моих мыслях и в моем сознании.

* * *

Меня пугают жуткие разрывы
В истории страны,
Когда мы принимаем торопливо
В себя чужие сны.
Бессовестно, беспечно забывая
Предания отцов,
Пред святостью минувшего играя
Роль грезящих глупцов.
Роль клоунов, привыкших бойко, смело
Шутить на красный свет,
И запускать язвительные стрелы
В кресты былых побед.
Мы шествуем не по своим дорогам,
Не за своей мечтой.
Смысл жизни, предназначенный нам Богом,
Смыт мутною водой.

* * *

О чем бы ни подумал я,
Оно уже в сознание.
Неужто, правда, вне меня
Нет далее мироздания?
Тогда мне было бы дано
Распоряжаться сущим,
Играть свободно в домино
С минувшим и грядущим.

* * *

Кто больше существует: я – реальный
Или другой – искусственный, зеркальный?
Казалось бы, смешен и глуп вопрос.
Но почему я к зеркалу прирос?

* * *

Как невозможно по желанию
Из мертвого создать живое,

Так невозможно и к сознанию
Прийти через его иное.
Необходима мудрость силы
На горных тропах перехода,
Чтобы из тьмы своей явила
Нас бессловесная природа.

* * *

Нам себя не вывести из времени:
Из юдоли, из тщеты, из бремени.
В наших мыслях дремлющий провал
Не закрыть игрой пустых зеркал.
Нам себя не объяснить из сущего:
Суетного, зыбкого, текущего.
Наш исток, причина и финал
Скрыты за началом всех начал.

* * *

Легко поверить в то, что меня нет
В слепом потоке мыслей, впечатлений.
Но кто тогда здесь задает предмет,
Сам ход, саму повестку размышлений?

* * *

Не в том ли миссия России,
Что ее воины, святые
Хранят от бесов и скопцов
Предание святых отцов,
Их трудный опыт очищенья,
Стяжання Духа, всепрощенья,
Преемство от Христа до нас,
Смысл бытия, иконостас?

* * *

Поверь! О милостивый Боже!
Я твоей правдой уничтожен,
Я твоим Светом ослеплен,
Расплавлен и испепелен.
Прости! О милостивый Боже!
Что я низложен, обезбожен,
Что мне себя не превзойти,
Что я беспутным стал в пути.

* * *

Я полюбил тебя, но твой двойник

Лишь посмеялся над моей любовью.
Во мне окаменел безумный крик
С тоской смертельной, с хрипотой и кровью.

* * *

Живу не я, но тень моя
Идет по тропам бытия.
Я только следую за нею
И от печали леденею.
Я только прячусь и таюсь,
Обожествляю свою грусть,
Играю в смысл самозабвенно
С бездонностью, со всей Вселенной.

* * *

Остров руссов – сказочный Руян.
На Востоке, в городах халифа,
О тебе певцы слагали мифы,
Прозревая сердцем сквозь туман.
Каста воев стерегла маршрут
К черному подножью Святовита.
Перед ним – колосьев желтых сито,
Семь мечей и связка конских пут.
В храме поседевшие жрецы
На дощечках древним скифским слогом
Вырезают откровенья бога,
Смыслы, что искали праотцы.
Сможем ли вернуть из тьмы времен
Эти сокровенные сказанья,
Чтобы сжать до точки расстояние,
Чтобы жить с минувшим в унисон?

* * *

Господи! Ты требуешь от зверя,
Чтобы он поднялся до небес,
Чтобы его скорби и потери
Не имели значимость и вес.
Господи! Нет сил терпеть страданья,
Немощи, болезни, муку, тлен.
Дай мне растворить свое сознание
В суетном потоке перемен!
Но я знаю: цель Твоя иная.
Ты стал человеком, чтобы мы,
Истиной себя испепеляя,
Осветили бесконечность тьмы.

* * *

Каста руссов погибла в походах
Подчинившего степь Святослава.
От могучего древнего рода
Нам осталась лишь мутная слава.
Мы поймем ее смысл и значение,
Если свяжем концы и начала
И пройдем через все облаченья
К потаенным истокам причала.

* * *

История творится в наших душах,
Где небо и земля, вода и суша
Взаимно отреклись от своих воль,
Пришли к самосознанию через боль.
История – не круговерть событий.
Через нее проходит красной нитью
Способность на лету и без опор
Вести сквозь бесконечность разговор.

* * *

Попробуй посмотреть на мир
Не из того, что нам известно,
Что ежедневно, повсеместно
Перепополняет наш эфир.
Но из того, что не облечь
В рисунки, цифры, знаки, звуки,
Что мглу пронзает, словно меч,
Неотвратимостью разлуки.
Тогда, возможно, ощутишь,
Как все бездонно, неслучайно,
Как оживляет глину Тайна...
И в изумление замолчишь.

* * *

Ресурс природы слишком мал,
Чтобы в игре слепых начал,
Пройдя круги существования,
В итоге обрести сознание.
Тогда, возможно, ей помог
Хранитель судеб и дорог,
Концом своей волшебной трости
Все время подправляя кости.

* * *

Нам известна лишь шепотка сути.
Ветер снег над старым храмом крутит.
Я не знаю, что там – впереди,
В пропасть обрываются пути.
Но я верю: каждое мгновение,
Прожитое с чувством вдохновенья,
Не исчезнет в круговерти лет,
В горькой череде невзгод и бед.

* * *

Само сознание вызывает боль.
Вселенной исцелить тебя позволю
Скрывающейся в звездной ткани Тайной,
В которой ты лишь эпизод случайный,
Всего лишь штрих в узоре мировом,
Играющий в добро и зло фантом...
Но если сердце к Тайне прикоснется,
В нем бесконечность духа развернется.

* * *

В России святость выше знания.
Здесь понимают мирозданье
Не разумом и не умом,
Но всей душой, всем естеством.
И не стремятся в свои схемы,
В свои бездушные системы
Загнать бездонность бытия,
Чтобы возвысить свое Я.

* * *

Самый страшный грех, когда считаешь,
Что он для тебя необходим,
И ему всю душу открываешь,
И себя отождествляешь с ним.

* * *

Вселенные нанизаны на нить,
Как капельки росы на паутинку.
Чтобы одновременно в каждой жить,
Найди в себе заветную тропинку.
По ней дойди до самого конца
И слейся с вечной мудростью Творца.

* * *

Какую смерть предпочитаешь ты?
Слепую беспросветность пустоты?
Или все ту же муку продолженья
Над пропастью опасного скольженья?
Что если этот выбор тебе дан,
И ты не просто смотришь на экран,
Но взглядом открываешь перспективу
Того, с чем согласился торопливо?

* * *

Носитель разума еще не человек.
Стать человеком – выйти за границы
Всего, что есть, всего, что нам приснится,
И в бездну бездн направить свой ковчег.

* * *

Русь разделила Запад и Восток,
Сумела обуздать их притязанья,
Чтобы себя никто из них не смог
Возвысить до масштабов мироздания.
Русь не дает двум хищникам сойтись
В кровавом, беспощадном поединке.
В ее церквях святые смотрят в высь
И стерегут к ней тайные тропинки.

* * *

Идет игра на понижение,
Когда и смысл, и красоту
Свести стремятся к отраженью,
Что маскирует пустоту.
Тебе дано прервать паденье,
Сменить направленность игры
И в яркой вспышке озаренья
Увидеть новые миры.

* * *

Русь – евразийское явление,
Его не объяснить извне.
И миссию, и назначение
Не взять взаймы на стороне.
Душа России вырастает
Из собственных своих корней.
Чем больше влаги получает,
Тем более она сильней.

* * *

Ты мне ничего не говоришь,
Просто тихо плачешь и молчишь.
Но я все прекрасно понимаю
И тебя ни в чем не обвиняю.
Ведь вина возможно только там,
Где есть ощущение, что ты сам
Сделал выбор, а не вожделенье,
Подчинив твой разум на мгновенье.

* * *

История не замкнута в себе,
Как в чародействе или в ворожбе.
Иначе бы она не состоялась
И на осколки мелкие распалась.
Из времени есть выход в небеса.
Он чист, как снег, прозрачен, как роса.
Мы по нему идем и не вникаем,
Что всю бездонность мира обретаем.

* * *

В Евразии лишь преданность и верность
Считались высшим качеством людей.
Не интерес, не прибыль, но безмерность
Была здесь основанием для идей.
Лишь единенье с вечным, беспредельным
Могло подвинуть нас и вдохновить.
Мы видим бытие живым и цельным
И обещаем смысл его хранить.

* * *

У Вселенной лишь одно начало.
Убедись, что нечто есть сначала.
А потом попробуй уяснить:
Быть всегда сложнее, чем не быть.
Значит, кто-то миру помогает.
Значит, кто-то жизни вдохновляет,
Невзирая на удары бед,
В беспросветной мгле искать ответ.

* * *

Россия – продолжение Византии.
Подвижники ее – ее святые,
Предошущая сердцем Страшный Суд,
Осуществляли здесь духовный труд.

В молитвенном общенье с Духом Божиим,
В борьбе с собой, в борьбе с грехом и ложью
Они несут нам благодатный Свет
И наполняют Смыслом версты лет.

* * *

Направив в сердце дуло пистолета,
Ты вспомнил, как прекрасен ее взгляд.
Глухой щелчок... и в ярких бликах света
Остановился событийный ряд.
Остановилось вечное движенье
Времен, веков, десятилетий, лет,
Застыл над полом, прекратив паденье,
Стоявший на столе ее портрет.
Все замерло в трехмерной перспективе,
В неповторимом жизненном порыве.
И только ее чистая душа,
Исполненная грусти и печали,
В светящейся серебряной вуали
Скользила сквозь предметы не спеша.

* * *

Готов ли ты с собой соединить
Весь этот мир, всю мглу вселенской дали,
Желанье умереть, желанье жить,
Миг радости и горький миг печали,
Былое в его муках, в его снах,
Грядущее в его слепой тревоге,
Отчаянье, унынье, скуку, страх
И душу с ее думами о Боге?
Если готов, то помолись – и в путь!
Без права отдохнуть и отвернуть,
Остановиться, спрятаться, укрыться.
Ты – воин, ты – скиталец, ты – поэт.
От твоих рифм во тьме струится свет
И дарит нам возможность исцелиться.

* * *

Бессмыслица была бы невозможна,
Если бы смысла не было в вещах.
Тронь пальцем паутинку осторожно,
Бездонность мира испытает страх.
Подставь ладонь под каплю дождевую,
И плоть Вселенной ощутит тепло.
Зачем же, над мгновеньем торжествуя,

Мы делим вечность на добро и зло?

* * *

Русских соблазняют не трактаты,
Не густая ткань словесной ваты,
Но возможность в бесконечном быть
И себя из праха воскресить.
Русским нужен не набор значений,
Не игра бесплодных изречений,
А единство с истиной миров,
С глубиной начал, причин, основ.

* * *

Первое живое существо
Через цепь преемства и родство
Скрыто существует в моем теле
И осуществляет свои цели.

* * *

Что значит для души – поверить?
Провалы тьмы собой измерить,
Через века мытарств пройти
По нити, рвущейся в пути.
Через круги, через ступени,
Через безумие сомнений
Подняться к самому себе
И подарить себя судьбе.

* * *

Легко сказать, что истина лишь слово,
Для мысли облаченье и обнова.
Но почему тогда горит в груди
От всполохов божественной зари?
И почему тогда душа болеет,
Когда от равнодушья леденеет,
Когда ее терзает и гнетет
Неотвратимость прожитых невзгод?

* * *

Все в мире знает друг о друге,
И только мы в порочном круге
Не можем вспомнить имена,
Что дарит смертным глубина.
Не можем вспомнить то, что будет,
Что наши судьбы не осудит,

Что наши души исцелит
И с вечностью соединит.

* * *

Откуда истина твоя?
Из черной тьмы небытия?
Или с высот Святого Духа,
Прозрачной звезд и легче пуха?
Откуда праведность твоя?
Из адских топей забвения?
Или с небес прозрачных рая
И каждой твари сострадает?

* * *

Душа ведет все время диалог.
Но кто он – ее вечный собеседник?
Не лицедей, не шут и не пророк,
Не странник, не изгой, не исповедник.
Не Бог, не бес, не ангел и не зверь,
Но с мудростью тысячелетий в связке
Безликий призрак, робко бьющий в дверь,
Меняющий от скуки свои маски.

* * *

Ты есть, а кто-то не родился,
Узорам звезд не удивился,
Не наслаждался красотой,
Дождем, осеннею листвою.
Ты помнишь о себе и знаешь,
Ты с миром в истину играешь,
А он – вне снов, событий, лет
Молчит безмолвием в ответ.

* * *

Представь, что все зависит от тебя:
Провалы звезд, сценарий бытия,
Судьба существ, живущих во Вселенной,
Смысл их молитв – глубокий, сокровенный.
Они друг друга жалят, травят, бьют,
Они вершат несправедливый суд.
Не жди от них сочувствия, пощады,
Им нравится существование ада.
Все время, все века здесь льется кровь,
В твоём распоряжение лишь любовь.
Сойдешь с небес к измученным твореньям?

Простишь ли на кресте их со смиреньем?

* * *

Как сквозь осенние листья,
Сквозь серость, сырость непогоды
Совпали жажда красоты
И красота самой природы?
Кто так удачно подогнал
Два универсума, две сферы,
Чтобы возник на дне зеркал
Узор гармонии и меры?

* * *

Всегда беседую с Тобой –
Господь миров, Создатель мой.
Ты чувствуешь мои печали
Из глубины бессмертной дали.
Ты знаешь грусть мою и боль.
На моей коже – твоя соль,
В моих глазах – твоя безбрежность,
Небрежность, снежность, неизбежность.

* * *

Фантазия в отрыве от реального,
От вечного, святого, изначального
Всего лишь сон, опустошенный сном,
И замкнутый в самом себе фантом.
В ней нет путей, ведущих к сокровенному,
В ней истинное присягнуло тленному.
Я всматриваюсь в пятна на холсте
И мертвый умираю во Христе.

* * *

Ты заключаешь сделку с бесом,
Прося займы у пустоты,
Сводя к корыстным интересам
Поступки, замыслы, мечты;
Когда надменно полагаешь,
Что нет блаженства от добра,
Когда с безумием играешь
И веришь в то, что жизнь – игра...
Он тихо шепчет, что ты – гений,
Что одному тебе дано
В слепом потоке наслаждений
Дойти до дна, увидеть дно.

* * *

Платон не прав: ведь если бы мы знали
Всю истину, всю суть вселенской дали,
То вряд ли бы смогли ее забыть,
Нанизывая бусинки на нить.
Любой разрыв в божественной цепочке
Достроил бы истершиеся строчки
За счет соседних звеньев и колец,
Связав в одно начало и конец.

* * *

Быть может, ты – не ты и я – не я.
Быть может, у спирали бытия
Есть скрытая иная сторона,
Где мы с тобой лишь персонажи сна.
Быть может, я – не я и ты – не ты.
Быть может у ничто, у пустоты
Мы только тени, ищущие свет,
И верящие в свой безумный бред.

* * *

Перун – бог смелых хеттских воев,
Привыкших жертвовать собою,
Умеющих держать врагов
На расстояние трех шагов.
Омытый жертвенною кровью,
Ты оказался в Приднепровье.
У чистых, светлых вод Роси
К тебе взывал хакан Руси.
Тобой клялись полки Олега,
И в Новгороде из-под снега
Пугал детей твой грозный взгляд,
Когда над лесом тлел закат.

* * *

Я видел мертвого в гробу.
Он не ругался на судьбу,
Он был задумчив и спокоен,
Как от войны уставший воин.
Как странник, завершивший путь,
На миг присевший отдохнуть
И неожиданно уснувший,
Страницы лет перевернувший...
Я позавидовал ему,

Ведь он уже прошел сквозь тьму
И ждет от Бога воскрешенья,
Любви, прощенья, утешенья.

* * *

Божественно и совершенно
Твое явленье во Вселенной,
Твое лицо, твой грустный взгляд,
Веснушек желтых райский сад.
Твой шепот и твое дыханье
В холодной тьме существования
Способны обнажить, раздеть
Мое желанье умереть.

* * *

Предания отцов на дне сознания.
Направь в себя, в свой дух воспоминанье,
Освободись от суеты на миг,
Стань мыслью мысли, вслушайся в язык!
И он тогда все сам тебе расскажет,
Все линии в один рисунок свяжет,
Начертит путь, которым наш народ
Прошел сквозь боль потерь, сквозь тьму невзгод.
У безымянных капищ Аркаима,
Там, где в узорах истина хранима,
Ты снова обретешь покой корней
И единенье с сущностью вещей.

* * *

Ругиланд – часть западной России.
С мертвыми беседуют живые
И до нас стремятся донести
Истины, открытые в пути.
Главная из них – в единстве судеб:
Никого Всевышний не осудит,
Каждому даст искупить вину
И уйти в бездонность, в глубину.

* * *

Как дети беспризорной вьюги,
Сквозь тьму времен проходят руги.
Дружины воев и волхвов
Нам передали смыслы слов.
Они боролись с тем, что тленно,
Они мечтали край Вселенной

Мечами острыми пробить
И неизбежность отменить.
Мы – их далекие потомки.
Мы шествуем по узкой кромке
Скрывающих провалы строк,
Найти пытаюсь свой исток.

* * *

Климент Александрийский вопрошал:
«Что выберешь – спасенье или знание
Вращающих Вселенную начал,
Творца миров, Творца существованья?»

* * *

Праматерь всех арийцев в Аркаиме
Придумала божественное имя.
Сказав его, ты открываешь суть
И в бесконечность можешь заглянуть.
Поэты заблудившихся столетий,
Смешные и наивные, как дети,
Нанизывая бисер слов на нить,
Стремятся это имя повторить.

* * *

То, что мы знаем, слишком мало,
Чтобы на нем обосновать
Необоснованность причала
В пути, где нам пришлось страдать.

* * *

Старые арийцы Поднепровья
Относились к истине с любовью,
Ощущали святость бытия,
Смыслы в языке своем тая.
Старые арийцы Поднепровья
Не блуждали в дебрях многословья,
Верили в божественность пути
И мечтали время превзойти.
Через эстафету снов и были,
Через бесконечность звездной пыли
Я пытаюсь воскресить их сны,
Вслушиваясь в стоны тишины.

* * *

Каким бы ни было познание,

Всегда возможен взгляд иной.
Так через нас существованье
Играет в истины с собой.

* * *

Идет увеличение боли
Через скитанье, судьбы, роли.
Все зашифровано в словах:
Тоска, печаль, тревога, страх.

* * *

Меня как будто не было и нет.
Идущий от границ Вселенной свет
Не видит и не знает моей муки,
Когда в мольбе к нему тяну я руки.

* * *

Нет! Не вовне, среди вещей,
Но где-то в памяти своей
Я безнадежно заблудился
И самому себе приснился.

* * *

Когда-то Божий Дух увидел зверя,
Что загнан был в пещеры ледником,
И сжалился, и отворились двери
Истории борьбы добра со злом.

* * *

Душа не возникает из событий:
Из бедствий, войн, разрух, кровопролитий.
Она уже себя находит в них,
В беседе вечной мертвых и живых.

* * *

Происхождение наше в мире —
Не круговерть оживших тел,
Но обретенье духом шири,
Свободной от трудов и дел.

* * *

Встань по ту сторону себя,
Безмолвия и забытья.
Взгляни на мир глазами Бога
С любовью, нежностью, тревогой.

* * *

Из того, что есть, я знаю миг,
Тот, в котором разум мой возник.
Дальше только черный омут ночи,
Веер бесконечных многоточий.

* * *

В раздоре Запада с Востоком
Россия исполняет роль
Хранителя святых истоков,
Связавших с вечностью юдоль.

* * *

Я в бытии и бытие во мне,
Как в небе небеса, огонь в огне.
Нас смертью не разять, не расколоть:
Творец миров оделся в мою плоть.

* * *

Мы в этом мире появились
Не в тот момент, когда трудились,
Но в миг прозренья глубины,
Своей тоски, своей вины.

* * *

Мир не такой, каким мы его знаем,
Воспринимаем, помним, понимаем.
Попробуй посмотреть со стороны
На звездные провалы глубины.

* * *

Нас соблазняет псевдо-Дионисий.
Описанные им святые выси
Не замечают смертных мук Христа
На безысходном дереве креста.

* * *

Не дай замерзнуть нам, великий Боже!
Не дай уснуть навеки смертным сном!
Мы – искорки, обтянутые кожей,
Заблудшие в безмолвии Твоем.

* * *

Случайностью не объяснить

Причинно-следственную нить,
На тонком кончике которой
Ведем мы с бездной разговоры.

* * *

Две касты: вои и брахманы,
Пронзая взглядом муть тумана,
За бесконечной пеленой,
Назвали Русью мир иной.

* * *

Любуется на падающий снег
Мой внутренний духовный человек.
Он хочет, чтобы я сорвался в пропасть
И превратился в святость, в милость, в кротость.

* * *

Божественное уже в том,
Что нечто есть и существует,
Что падающий в смерть фантом
Смысл бесконечности взыскует.

* * *

Моя плоть возникла без меня.
Я ее судьбой не управляю
И свою тщету обожествляю
На осколках прожитого дня.

* * *

Даже если бы смогла природа
Наделить рассудком обезьян.
Почему им дорога свобода?
Почему их мучает обман?

* * *

Не дай мне окунуться в смерть,
О мой Господь! О моя Твердь!
Я рассыпаюсь без молитвы
На призраки во время битвы.

* * *

В истории арийцев нет разрыва,
Разрыв есть лишь в сознании глупцов.
Распутывать старайся терпеливо
Нить жизней наших дедов и отцов.

* * *

Найти утерянные руны
Дажьбога, Сварога, Перуна.
Язык все помнит наизусть,
В его корнях хранится Русь.

* * *

Вслепую к жизни не прийти.
Здесь надо воспроизвести
Всю бесконечность совпадений
В стихии мертвых повторений.

* * *

Прекрасное не потому прекрасно,
Что я во сне в свой сон взираю страстно,
Но потому, что нечто мне дает
Увидеть в чистой капле небосвод.

* * *

Предельная идея для России
Всего лишь в том, чтобы ее святые
Могли в молитве к Богу восходить
И истину в своих сердцах хранить.

* * *

Расстояние от меня до Бога,
Словно бесконечная дорога.
Если же его перевернуть,
В точку бытия свернется путь.

* * *

Из природы нас не объяснить,
Цепью формул пропасть не закрыть.
Как из неживого вдруг живое
Развязало спор с самим собою?

* * *

Мы – дети языка, в нем наши корни.
За нить заветных слов тихонько дерни,
И скрытый в нас божественный санскрит
Из тьмы веков с тобой заговорит.

* * *

Если все связано в одном,

То даже призрачный фантом
Имеет право на спасенье,
На боль и ужас воплощенья.

* * *

Чтобы беседа завязалась,
Необходимо сделать малость:
Наполнить смыслом этот мир
И жизнь укрыть от черных дыр.

* * *

Сценарии, сюжеты, маски, роли
Определяет смысловое поле,
Пронизывая сущностный эфир,
В один узор соединяя мир.

* * *

Что значит – стать библейским человеком?
Открыть себя двум потаенным рекам:
Одной, что льется из небытия;
Другой, что дарит духу его «Я».

* * *

Пропасть в нас и пропасть между нами.
Я ловлю твой отрешенный взгляд
И своими черными стихами
Обмануть пытаюсь листопад.

* * *

Осознай ответственность свою
За существованье на краю.
Постарайся с искренним усердием
Каждый миг наполнить милосердием.

* * *

Как образуются слова?
Не так ли, как растет трава?
Из муки безысходных дней,
Из бед, из боли, из корней.

* * *

Возможность мысли старше мысли.
Все наши истины повисли
Над бесконечностью дорог
И облачились в немоту строк.

* * *

Ошибка Гегеля лишь в том,
Что он в безумии слепом
Отождествил свое сознание
С бездонностью существования.

* * *

Свою ли жизнь ты проживаешь
Или в сценарии чужом
Не самого себя играешь
И слепо веришь в свой фантом?

* * *

Нет, ты не рядом, между нами бездна,
Хоть я и ощущаю твою дрожь,
Хоть ты и предлагаешь мне любезно
В слепую страсть обернутую ложь.

* * *

Только из того, что нам известно,
Не решить вопрос о бытии.
Истине в сознаниях наших тесно,
Как ее ни режь и ни крои.

* * *

Взгляни на вещи без обмана:
У росомонов Иордана
Мы взяли дерзновение быть
И в сердце истину хранить.

* * *

Ты сам себе понять мешаешь,
Что в самого себя играешь.
На самом деле тебя нет,
Пока в душе не вспыхнет свет.

* * *

Стена передо мной, куда бы я
Ни повернул свое лицо, свой взгляд.
Нет выхода из круга бытия,
Есть только возвращение назад.

* * *

Не вычеркнуть из памяти Вселенной

То, как я восхищался драгоценной
Тропинкой звезд в бездонности ночной
И трепетал в единстве с тишиной.

* * *

Время измеряется не временем,
Но возложенным на плечи бременем,
Что сумел ты в жизни понести
И других от бремени спасти.

* * *

Рукшья, Русь – арийская мечта
О стране небес, о светлом царстве,
Что до воскресения Христа
Исцеляла наши сны в мытарстве.

* * *

Мы Западу страшны своим истоком,
В пять тысяч лет существования сроком,
Тем, что всегда за истину стоим
И смыслы мира в языке храним.

* * *

Русь на санскрите – светлый или свет.
Вот на вопрос единственный ответ.
Зачем еще блуждать в научной лжи
И принимать за правду миражи?

Иванов Алексей Николаевич – поэт, философ, писатель из Зауралья. Родился в селе Обрядовское Притобольного района, Курганской области в 1971 году. Закончил философский факультет Уральского государственного университета в городе Екатеринбурге в 1993 году. Алексей Николаевич – автор одиннадцати сборников стихов: «Колодец с тишиной», «Зеркало тьмы», «Лабиринт Безысходности», «Возвращение в Безвозвратность», «Апокатастасис», «Песочные часы», «Ладони Небесные», «В свете молний», «Сполохи», «Восхождение к смыслу», «У родника вечности». А также автор двух сборников философских рассказов: «За первоистокom сущего», «Там, где трепещет бездна». В 2012 году Алексей Иванов стал финалистом конкурса малой прозы в Израиле, организованного редакцией журнала «Русское литературное эхо».

Отпечатано ООО Эталон ИНН 4501174277 КПП 450101001.
Адрес: 640014, Курганская обл, Курган г, Промышленная ул, дом № 33 № заказа 28192.
Тираж 70 экз.